

Друзья времен моей жизни среди индейцев

12+

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Уиллард Шульц

**Друзья времен моей
жизни среди индейцев**

«Автор»

1923

Шульц Д.

Друзья времен моей жизни среди индейцев / Д. Шульц —
«Автор», 1923

Старые друзья собираются, чтобы вспомнить дни своей молодости, поделиться воспоминаниями о своих приключениях, вспомнить старых друзей, которых уже нет с ними.

Джеймс Уиллард Шульц

Друзья времен моей жизни среди индейцев

Джеймс Уиллард Шульц (Апикуни) в молодости

ГЛАВА 1.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ: БИЗОНИЙ КАМЕНЬ ОТРАЖАЕТ НАПАДЕНИЕ ГРОМ-ПТИЦЫ, А ТЯЖЕЛЫЕ ГЛАЗА РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ СХВАТКЕ С НАСТОЯЩИМ МЕДВЕДЕМ.

"Мы состарились. Перед тем, как пойти по тропе к Песчаным Холмам¹, давайте вместе поставим лагерь и поживем, насколько это возможно, так, как мы жили в давние времена. Скажи, где будет стоять наш лагерь."

Такое послание я написал в начале лета 1922 года и передал через молодого Вороньи Перья моим старым друзьям и родичам из племени пикуни, которых официальный Вашингтон называет черноногими.

В должное время пришел ответ: "Хорошо, что мы еще раз вместе поставим лагерь. И где еще быть нашему лагерю, как не на реке Двух Магических Хижин, нашей священной реке? В ее верховьях, где встречаются леса и горы, мы поставим свои вигвамы в месяц Спелых Ягод, и там будем ждать твоего прибытия. В вигваме Мальчика-Вождя будет готова лежанка для тебя и Одинокого Волка, твоего сына."

Пропутешествовав из Лос-Анджелеса и задержавшись из-за забастовки железнодорожных ремонтников, я смог прибыть в парк Глейсир только 5 августа. Мой сын приехал из Нью-Йорка и снял на лето в качестве студии коттедж прямо напротив развилки реки Двух Талисманов, принадлежавший большому комплексу отелей национального парка. Настала ночь. Я приблизился к коттеджу и во дворе перед ним увидел шесть вигвамов, светившихся тусклым красноватым светом из-за горевших внутри них маленьких костров. Я подумал о давно прошедших временах, когда я видел шесть сотен вигвамов, все из белых новых бизоньих шкур, которые так же светились. Я подумал о сильных беззаботных охотниках, которые жили в этих вигвамах, и многие из которых давно ушли в Песчаные Холмы. Всего несколько человек из тех, кто был еще жив, могли проделать этот путь, чтобы поставить лагерь и дожидаться меня.

Крайний вигвам этого маленького лагеря был украшен большим красным полукругом, нарисованным на несколько футов выше дверного проема; это был, как я знал, символ Иниским, талисмана Камня Бизона, принадлежавшего Мальчику-Вождю. Я приблизился к вигваму и крикнул:

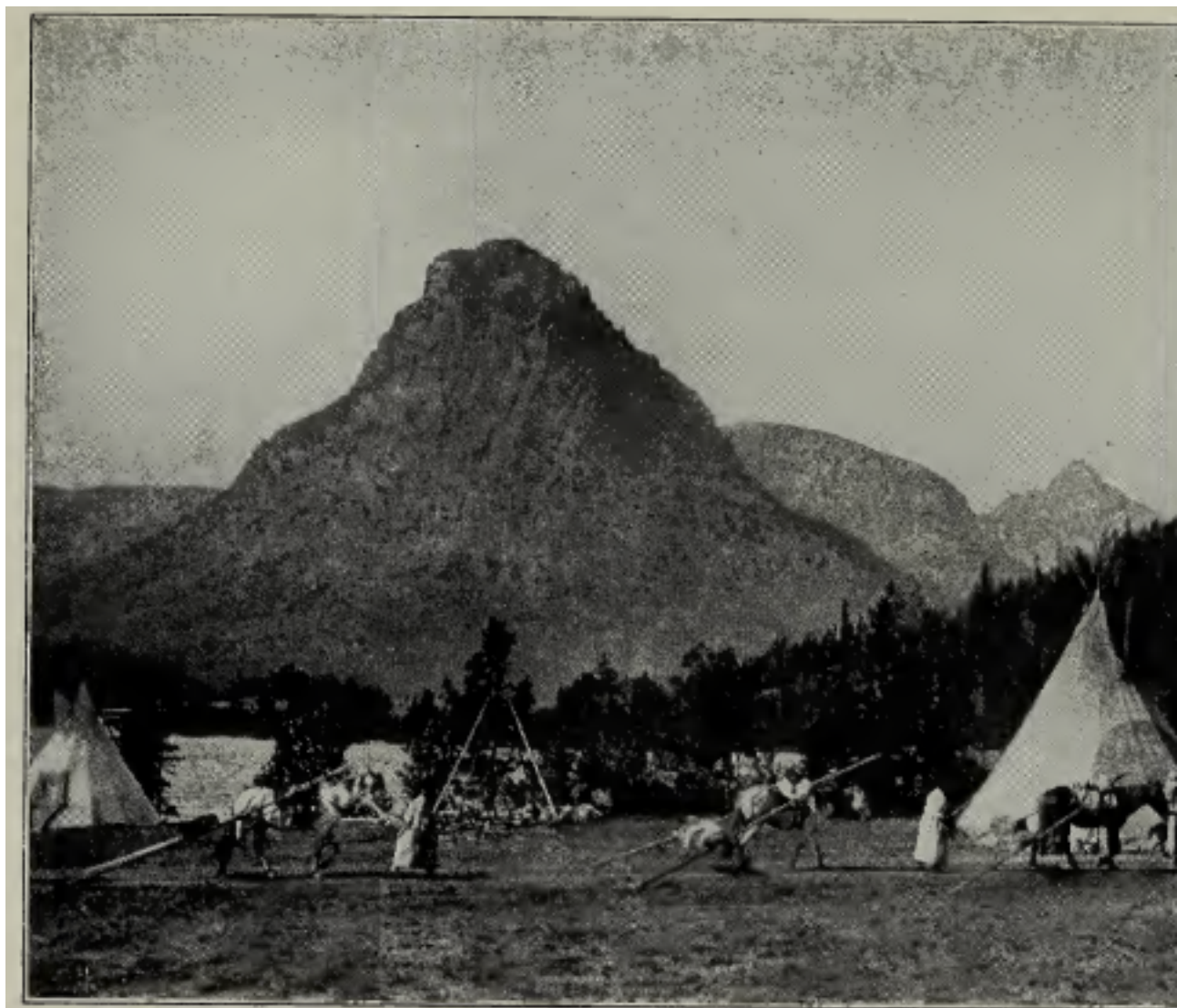
– Нистумо! Ни кауто! (Шурин! Я пришел!)

Из вигвама вышел старик и крикнул находившимся в других вигвамах:

– Ито, ануках китай'оковау анан! (Пришел тот, кого мы ждем!)

Но они и так услышали мой голос, и сами поторопились выйти, чтобы приветствовать меня – Тяжелый Взгляд, Кудрявый Медведь, Белая Трава, Вождь Воронов, Много Хвостовых Перьев, Белая Собака, Короткое Лицо, Прекрасный Ребенок, молодой Вороньи Перья и их жены, а из маленького коттеджа вышел мой сын и его добрая белая жена, Наома. Для всех нас это был счастливый момент. Тихие голоса моих индейских друзей музыкой звучали в моих ушах. Я был рад, что не забыл ни единого слова их языка.

– Заходи! Твое место ждет тебя, – приветливо сказал мне Мальчик-Вождь, и повел меня в свой вигвам.

GOING INTO CAMP BEFORE RISING BU

Прибытие в лагерь перед горой Поднимающегося Бизона

Справа от его лежанки, стоявшей в глубине вигвама, сделанной из веток бальзамина с удобными ивовыми спинками с обоих концов, стояла приготовленная для меня. Между этими двумя лежанками висели на вигвамном шесте разрисованные и расшитые сумки из сыромятной кожи, в которых находились его священные амулеты. Подкладка из кожи вапити, разрисованная древними геометрическими фигурами, проходила по всей внутренней окружности вигвама, а между лежанками и по обеим сторонам от входа были ярко раскрашенные парфлешы – большие сумки из сыромятной кожи, наполненные запасами пищи и личными вещами членов этого небольшого семейства. Я почти поверил в то, что мы вернулись в давно прошедшие дни бизонов. Вошли другие наши друзья и мы сули в круг вокруг маленького костра. Мальчик-Вождь наполнил свою большую каменную трубку с длинным чубуком и протянул ее Вождю Воронов, тоже шаману. чтобы тот ее зажег. Он положил уголек на смесь табака и *l'herbe*², выпустил несколько затяжек сладковатого дыма к богам неба и вниз, к матери-земле, коротко помолился о счастье и долгой жизни для всех нас и передал трубку дальше. Когда она, пройдя от одного к другому, совершила круг, меня спросили, как прошло мое путешествие из страны вечного лета, а Белая Трава спросил, правда ли то, что, как он слышал, снег там никогда не выпадает, а фрукты и овощи вызревают даже зимой.

– Когда Творец Холода приходит сюда с севера, покрывает землю снегом и замораживает озера и реки, там, на юге, деревья стоят желтые от зреющих фруктов, а в садах фермеров цветет клубника, – ответил я.

После нескольких удивленных восклицаний одна из женщин простонала:

– Вот бы нам жить в этой стране вечного лета, вместо того, чтобы мерзнуть здесь!

– Творец Холода – трус, будь мы храбрее, зимы бы здесь не было! – воскликнул Белая Трава.

– Как так? – спросил мой сын.

– Ясное дело! – ответил старик. – Когда Солнце уходит на юг, Творец Холода бежит за ним с ужасными ветрами и снегом, а потом, когда Солнце возвращается, он не сражается с ним, а возвращается в свою вечно холодную северную страну, куда Солнце не может попасть. Нет, никогда он не осмелится остановиться и сразиться с великим богом неба!

Сайо'пекина, женщина Мальчика-Вождя, возилась у очага и скоро поставила передо мной большую жареную форель, кусок хлеба и чашку кутенайского чая.

– Это все, что я могу тебе дать, у нас нет настоящей еды, – сказала она.

Для пикуни настоящая пища – мясо, которое всегда было основой их жизни. Все остальное они называют никчемной или бесполезной едой.

– Вы не будете нуждаться в настоящей пище, потому что я узнал о том, что есть стадо вапити недалеко от нас, выше в горах.

– Прекрасно! Прекрасно! Давай добудем нескольких для пропитания, – дрожащим голосом сказал Белая Трава.

Я закончил есть, и большая трубка снова пошла по кругу.

Когда Кудрявый Медведь передавал ее мне, он сказал:

– Что ж, Апикуни³, мы поставили здесь лагерь только для того, чтобы дожидаться тебя. Где теперь ты думаешь поставить наши вигвамы?

– Прямо у нижней части первого из озер Двух Магических Хижин. Оттуда открывается прекрасный вид на водную поверхность и гору Поднимающегося Волка на другом берегу, – без колебаний ответил я.

– Ха! Там мы стояли, вместе с другими черноногими, когда настоящий медведь изувечил меня! – воскликнул Тяжелый Взгляд.

– Да, там, – ответил я, и все с сочувствием посмотрели на его недееспособную руку и изуродованное лицо.

– Отправимся туда завтра, – сказал Мальчик-Вождь.

– А послезавтра я пойду на охоту за вапити, – сказал мой сын, и все наши друзья радостно улыбнулись.

– Когда ты, Апикуни, в последний раз был здесь, мы помогли тебе написать историю Старого Солнца, величайшего ловца орлов из всех, кто когда-либо жил⁴. О чем теперь ты думаешь? Как мы можем тебе помочь?

– Сейчас я хочу написать о своих друзьях – тех, кто еще жив, и тех, кто уже ушел. Я хочу написать книгу об их жизни в давно прошедшие времена, когда еще не было огненных повозок, которые привезли множество бледнолицых, которые убили наших бизонов, – ответил я.

– Хорошо! Это будет хорошая книга! – воскликнул он, и остальные тоже высказали свое одобрение.

– Мы уходим, – сказал Тяжелый Взгляд. – и наши знания о великой стране, которая когда-то была нашей, уходят вместе с нами. Только прочитав написанное Апикуни, дети наших детей и их дети, которые будут жить после них, узнают, как мы жили, охотились и не пускали врагов в наши земли, какие названия дали мы горам, озерам и рекам, и почему мы так их называли.

– Наши дети! Они так мало хотят знать о давно прошедших днях бизонов! Белые учителя разрушают их сознание! Они не верят в наших богов и в никаких других! Они лгут, они

воруют! Все, что они хотят – носить хорошую одежду и разъезжать туда-сюда! – воскликнул Мальчик-Вождь, и все печально вздохнули.

– Есть много, очень много белых, которые хотели бы узнать все, что можно, о нашей жизни в прежние времена; для них я и хочу написать эту книгу, – сказал я.

– Мне это понравится. Думать и говорить о наших приключениях в давние времена – главное удовольствие в моей стариковской жизни, – сказал Белая Трава.

Мой сын и Вороны Перья взяли пару лошадей и привезли в железнодорожной станции сверток с моей постелью и другой багаж. Я разложил постель на покрытой ветками бальзамина лежанке. Наши друзья разошлись по своим вигвамам, я лег на свою лежанку и растянулся в полном блаженстве. Я смотрел на угасающий огонь, слушал уханье сов среди сосен на равнине и доносящийся издали печальный волчий вой, и скоро уснул.

Меня разбудили раскаты далекого грома. Они приближались, гроыхая тут и там со стороны гор, молнии то и дело освещали вигвам. Сайо'пекина крикнула:

– Пожалей нас, Гром-Птица! Не делай нам зла!

Сильный дождь застучал по обшивке вигвама, от сильных порывов ветра клапаны стали громко хлопать, словно пистолетные выстрелы раздавались у меня над головой. Вспышка молнии ослепила нас, и сразу вслед за этим ужасный гром раздался прямо над нашими головами. Сайо'пекина вскрикнула и снова стала умолять Гром-птицу пожалеть нас, а очередная вспышка осветила Мальчика-Вождя, который сел на своей лежанке и молился; одновременно он набивал свою большую трубку, потом зажег ее и выдохнул священный дым в свой мешочек с талисманами.

– О священный и могучий Камень Бизона, защити нас, отведи от нас Гром-Птицу, – умолял он, а потом одну за другой спел несколько своих священных песен.

И так же внезапно, как началась, буря прекратилась, ушла за хребет, на восток, вверх по долине, и мы снова спокойно уснули.

Воронье Перо, вставший рано, разбудил нас.

– Вы там, внутри, – крикнул он, – выходите и посмотрите, что наделала ночью Гром-Птица!

Мы оделись и поторопились наружу, а из другого вигвама на его зов выбегали старики. Не больше чем в трех футах от входа в наш вигвам в земле была глубокая яма – словно там взорвалось огромное количество пороха. Пока мы стояли, уставившись на нее, Белая Собака издал громкий удивленный крик и указал на покрытие вигвама – на нем мы увидели черную прожженную полосу, которая начиналась между клапанами и спускалась к краю красного полукруга, символа магии Мальчика-Вождя.

Все замерли, не в силах издать даже удивленного крика, и Мальчик-Вождь воскликнул:

– О Камень Бизона! О святыня! Ты спас нас, ты спас нас! Ты намного сильнее Гром-Птицы! Ее ужасный огонь не смог пройти через обшивку вигвама и убить нас! Достигнув края красного рисунка, он отскочил и ушел в землю, не причинив вреда!

– Верно! Верно! Так и есть! Священный рисунок был твоим щитом, он спас тебя! – воскликнули остальные.

На минуту задумавшись, Мальчик-Вождь сказал нам:

– Не должны ли теперь те, кто все время спорит со мной, белые священники, которые все время говорят мне, что моя магия ложная и бесполезная, не должны ли они это увидеть? Это закроет их рты! Никогда больше они не скажут мне, что моя магия Камня Бизона не имеет силы, чтобы делать добро, и что если я продолжу ему молиться, мою тень уйдет туда, где все время горит огонь, и вечно будет мучиться!

– Из всех плохих белых они самые плохие, самые низкие! Вечно пробираются в наши дома, разговаривают с нашими женами и детьми, и говорят им о том, что наши боги – это

ничто, что мы должны молиться только богам белых, а не то будем вечно гореть после смерти! – сказал Много Хвостовых Перьев.

– Если они так поступают, почему нельзя выгнать их из дома или даже совсем не прогнать? – нетерпеливо спросил Одинокый Волк.

– Да! А потом тебя арестует агент и целую луну, а то и две, продержит тебя в доме с железными решетками! Мы не свободные люди, как ты и твой отец; мы рабы! Мы должны терпеть все, что делают с нами агенты по делам индейцем и миссионеры! – сказал Курчавый Медведь, и мой сын не нашел ответа.

Во всех вигвамах нашего маленького лагеря разговоры во время завтрака крутились вокруг чудесной силы Камня Бизона, самого древнего талисмана пикуни. Я сказал «талисман», потому что такое название первые торговцы компании Гудзонова Залива и Американской Пушной компании дали священным предметам, которыми владели жрецы Солнца, которых они называли шаманами⁵. На языке черноногих эти предметы называются Натосим (собственность Солнца), или, проще, принадлежащее Солнцу. Много лет, с лучшими знатоками языка черноногих, я пытался понять, что означает слово "нинамп'скак", которым они называют шаманов, и наконец мой сын смог его правильно перевести как "вождь-уголь" – от слов нина (человек, или вождь) и ампскак (уголь, горящий в костре уголь). И еще мы предположили, что это слово может означать вождь-ящерица – эта рептилия называется нампски-ах.

Все это увело нас в те давние времена, когда на своей северной родине вокруг Большого Невольничьего озера черноногие и родственные им алгонкинские племена поклонялись свету, или тому, что олицетворяло свет. Верховным божеством кри тогда, как и сейчас, был Мичи Вабум (Великий Рассвет), или, другими словами, белый кролик, а у черноногих богом был Напи (Свет Зари), которого олицетворял старик. В те времена огонь был святыней, объектом поклонения, и был в ведении тех, кто за ним следил, нинамп'скакс (людей угля), которые не давали ему погаснуть, и, когда лагерь перемещался, переносили его в виде горящих углей в обмазанных глиной деревянных сосудах, и на новом месте разводили костер, из которого все люди брали горящие ветки. чтобы с их помощью зажечь костер в своих вигвамах.

Настало время, когда самое храброе и предприимчивое племя алгонкинов, черноногие, оставило свои леса и болота и двинулось на юг, на равнины, и там встретило племена, которые поклонялись Солнцу, и сами приняли у них эту новую веру со всеми обычаями и церемониями, оказавшуюся близкой их сердцу. Естественным образом их хранители углей, жрецы огня, стали жрецами Солнца, и в течение века или больше они так укрепились в этой вере, что она стала величайшей из всех религий племен охотников на бизонов от реки Саскачеван на юг до самой Мексики. Только одно осталось неизменным – название священника, нинамп'скакс, вождь угля.

Когда мы закончили свой ранний завтрак, женщины привели лошадей, оседлали их, навьючили, запрягли в травуа⁶, нагрузили их, и мы прошли вверх по долине и поставили лагерь в нижней части нижнего из озер Двух Талисманов, находящихся целиком на территории резервации племени черноногих. Линия, разделяющая резервацию и национальный парк Глейсир, проходит по вершинам Скалистых гор, от одного пика к другому, от Большой Северной железной дороги на север до канадской границы, так что в распоряжении племени остаются широкие лесистые склоны и долины, служащие пристанищем для оленей, лосей и медведей, и высокие горы, на которых живут толстороги и козероги. Так что мой сын мог обещать старикам лосиное мясо, потому что законы штатов об охоте не распространяются на индейские резервации, а он был членом племени черноногих, как и я, хоть кожа у меня белая.

Нашим старшие женщины поставили свои вигвамы рядом с грейдерной дорогой, ведущей вверх, к коттеджам Большой Северной компании, стоящим на втором из озер Двух Талисманов, одном из самых красивых мест парка, очень любимом туристами. Многочисленные гости любители красот проносились мимо нас на красных автомобилях, оглядываясь назад,

на нас, пока могли нас видеть. Какой контраст был между ними, сегодняшними, у которых была красивая одежда, удобные городские дома, и моим народом, одетым в одеяла, живущим в простых вигвамах с открытым огнем, для которых хлеб, мясо, ягоды и кутенайский чай были единственной пищей, а ножи и топоры – единственными необходимыми инструментами.

Сидевший рядом со мной на берегу озера Курчавый Медведь сказал:

– Мы никогда не думали, Апикуни, что увидим перемены, которые навсегда отняли нашу прежнюю жизнь, единственную, которой стоило жить, нашу охоту на бизонов; дороги для огненных фургонов пересекали нашу страну, их большие отели, наполненные белыми людьми, стоят в наших горах, на озерах и реках, а сами они смотрят на нас и смеются.

– Смеются над тобой?

– Да. Ты знаешь, что это так. Потому что мы не такие, как они – у нас другой цвет кожи, другая одежда, другой образ жизни. Они презирают нас, считают ничтожествами, не имеющими чувств. Хуже всего, когда они смотрят на нас, наблюдая за каждым нашим движением. У них нет стыда, они не умеют себя нормально вести: они могут войти прямо в наши вигвамы, мимо наших талисманов, сесть и шутить над нами и нашими вещами.

– Некоторые так делают; настоящие белые вас уважают, – ответил я.

– Только когда ты на них смотришь, – ответил он и ушел в вигвам, чтобы подбросить дров в костер.

В прежние времена он бы так не сделал: это была женская работа.

Прямо здесь, на этом самом месте, где стояли наши вигвамы, в ноябре 1883 года стоял мой первый лагерь на этом озере, куда я поднялся из форта Конрад вместе с Солом Эбботтом, Генри Пауэллом, Эдвардом Тинглом и Уильямом Уивером, чтобы запастись мясом на зиму. С нами было три фургона с припасами, и мы должны были прорубать дорогу через лес, чтобы провести их к озеру – это были первые фургоны в этой горной долине. Дичь была многочисленной, и в течение недели мы убили всех лосей, оленей и толсторогов, какие нам попались. Это было давно – тридцать девять лет назад! Четверо моих товарищей по этой охоте давно ушли в Песчаные Холмы. И другие, кто ставил лагерь на этом месте, были там же, кроме моего сына и Тяжелых Глаз, которые сейчас были с нами. И еще, когда мы стояли лагерем на этом месте, в сентябре 1889 года, у него был поединок с настоящим медведем (гризли), который искалечил его на всю жизнь.

Тяжелые Глаза, или, как называли его белые, Фрэнк Монро, был единственным из живых сыновей Хью Монро, который был первым белым, прошедшим по восточным склонам Скалистых гор между Саскачеваном и Миссури, и о котором я еще напишу⁷. В тот первый осенний месяц 1889 года Тяжелые Глаза, его племянник Черноногий (которого белые называли Уильям Джексон) и я после долгой тяжелой работы на сенокосе решили, что нам нужно хорошо поохотиться, и, оставив женщин присматривать за ранчо, мы отправились в горы с упряжкой, фургоном, оборудованием для лагеря и верховыми лошадьми, и в полдень, теплым тихим днем появились здесь, на берегу этого озера.

– Вы двое справитесь с тем, чтобы поставить вигвам и привести все в порядок, и, пока вы будете этим заниматься, я поднимусь на хребет и убью оленя, – сказал нам Тяжелые Глаза.

– Да. Иди и принеси нам мяса, оно нам очень нужно, – ответил я.

Он уехал на своем пятнистом пони, пересек место, где река вытекала из озера, и поднялся по крутому склону, поросшему осинами.

Мы заканчивали ставить вигвам, когда услышали выстрел, а потом еще три один за другим, а позже еще несколько.

– Это означает мясо – хорошее жирное мясо оленя или лося! – воскликнул Сиксикакуан.

FRANCIS MONROE, OR HEAVY EYES
Sole surviving son of Hugh Monroe, or Rising Wolf

Френсис Монро, или Тяжелые Глаза
Единственный выживший сын Хью Монро, или Поднимающегося Волка

– Да, и он с ним скоро будет здесь. Давайте разведем костер, чтобы у нас были хорошие угли, на которых мы это мясо поджарим, – ответил я.

Мы собрали кучу веток хлопковых деревьев, разожгли из них хороший костер и стали ждать возвращения нашего охотника, и после долгого ожидания увидели, как он спускается к реке через заросли осины. Он раскачивался в седле, держась за переднюю луку обеими руками, его шляпа пропала, а из одежды на нем осталась лишь несколько клочьев от разодранной рубашки.

Мы побежали ему навстречу, и, приблизившись к ближнему берегу реки, он замертво упал с лошади – самый окровавленный и истерзанный человек, которого я когда-либо видел. Его лицо, правая рука, правое плечо и правая нога были страшно искалечены. Мы принесли воды в своих шляпах, отмыли его, и он пришел в себя, пробормотал "Ници кимаацистуоки, нитапокайо (Настоящий медведь так сделал)", и снова потерял сознание.

Мы поняли, что раны его намного более серьезны, и помочь ему мы сами не можем, поэтому Сиксикайкуан перебежал ручей, запряг фургон, чтобы отвезти его к агентству вниз по Барсучьему ручью, а я тем временем отмыл его и пытался сделать, что мог, с его истерзанной плотью и сломанными костями. Он пришел в себя, и мы положили его на постель в фургоне, потом он снова впал в беспамятство, и тогда, зарядив свой тяжелый винчестер, я пересек реку, поднялся на хребет и без труда нашел место схватки с медведем. Под развесистыми густыми кустами ирги земля была изрыта, покрыта множеством следов и покрыта пятнами черной засохшей крови, и от этого места на запад вдоль хребта шли два кровавых следа. Пройдя по ним, я оказался в сырой низине, густо заросшей медвежьей травой, и там нашел четыре отчетливых медвежьих следа, скоро потерял два из них, на которых не было крови, а потом потерял и остальные, пройдя через осиновую рощу в густой хвойный лес. Я три дня выслеживал раненого медведя, но так его и не нашел. На четвертый день вернулся Сиксикайкуан и сказал, что раненый едва не скончался от большой потери крови, но врач сказал ему, что от выживет, хоть и останется калек.

Я вспомнил, что ни разу еще не слышал рассказов людей, выживших после столкновения с медведями, поэтому поспешил в лагерь, чтобы услышать такой рассказ. Я нашел стариков, сидевших в ряд вдоль речного берега и передающих друг другу трубку, и Курчавый Медведь позвал меня:

– Иди сюда. Самое время послушать, как Тяжелые Глаза рассказывает нам о своей схватке с настоящим медведем.

– Я для этого и пришел, – ответил я, сел рядом с ними и в свою очередь затянулся из трубки.

– Ну, – начал в ответ на мою фразу Тяжелые Глаза, – мы решили, мы трое, пройти выше и хорошо поохотиться. Ночью накануне выхода у меня было сильное видение: я стоял на большом бревне в густом лесу, высматривая дичь. Справа от меня задрожали кусты, и, посмотрев туда, я увидел, как оттуда прямо ко мне вышли два настоящих медведя. Когда я готов был поднять ружье и прицелиться в одного из них, он крикнул мне: "Стой на месте, мы пришли поговорить с тобой." Я был очень удивлен таким приветствием от настоящего медведя на чистом языке пикуни.

Они подходили ко мне, и, когда оказались рядом, сели на хвосты и один из них сказал мне: "Мы прослышали, что ты хочешь пройти на озеро Двух Талисманов, чтобы поохотиться, ты и еще двое. Хорошо, иди и убей поедающих траву, которые тебе нужны, но не стреляй в наших сородичей. Я предупреждаю тебя не причинять им зла. Если ты сделаешь это, будешь жалеть всю жизнь!"

Так вот, друзья, тем самым вечером, перед сном, мы говорили о настоящих медведях и о том, что собираемся во время охоты встретить и убить нескольких из них. И эти двое слышали наш разговор, в этом нет сомнений! Еще более удивительно, что пока я думал, что

им ответить, пока собирался с мыслями, они внезапно исчезли, а моя тень вернулась в мое тело. Я проснулся с громким криком и увидел, что сижу на постели, а тело мое мокрое от пота.

– Что это за ужасный крик? Ты не заболел? – спросила моя женщина.

– Я не болен. Все в порядке, – ответил я, и она снова уснула. А я не смог. Я пролежал с открытыми глазами оставшуюся часть ночи, непрерывно думая о своем видении, и, когда настало утро, решил, что к этому предупреждению от настоящего медведя нужно прислушаться. Я никому, даже своей женщине, ничего не сказал об этом видении.

В тот день мы вышли так поздно, что должны были остановиться на Ивовом ручье, так что до места не дошли до полудня следующего дня, и, едва мы выпрягли лошадей из фургона, как я оставил там Апикуни и Сиксикайкуана, чтобы они поставили вигвам и обустроили лагерь, а сам поехал на лошади вверх по хребту, чтобы попробовать убить оленя.

Когда я добрался до звериной тропы и не нашел на ней свежих следов, меня это удивило. Тогда, пройдя по одному из старых следов, я увидел, что они оставлены медведями, и понял, что эту тропу используют медведи, и понял, почему тут нет оленей: как вы знаете, они не любят оставаться и пастись там, где липкие рты⁸ многочисленны.

Я поднялся выше по хребту, и вышел на крутой склон, заросший кустами ирги, черными от созревших ягод. Я был очень голоден и спешил, чтобы поесть их, и, чтобы лошадь от меня не ушла, несколько раз обернул повод вокруг левой руки. Я шел от куста к кусту, выбирая самые спелые, крупные, черные ягоды, и думал, что никогда мне не попадались такие сладкие и сочные, как эти. Вдруг моя лошадь дернулась. Я оглянулся на нее и увидел, что она уставилась на что-то на хребте, что было выше меня. Я посмотрел в ту же сторону и увидел большого настоящего медведя, который стоял на задних лапах, передними притягивал ветки ирги и своим большим липким ртом слизывал с них ягоды вместе с листьями. Я сразу вспомнил о своем видении, о предупреждении, которое получил, но этот медведь был таким жирным, что я решил добыть его – сала на нем было столько, что моя жена могла бы готовить на нем всю зиму. Внутри меня было два голоса – один повторял "Не стреляй в него! Не стреляй в него!", а другой говорил: "Стреляй! Убей его! У тебя будет много сала для твоей женщины и твоих детей!"

Я чувствовал, что не должен стрелять, но что-то сильнее меня заставило меня поднять ружье и выстрелить в медведя. Я услышал, как пуля попала в него. Он от боли издал ужасный рев, и рядом с ним появилось еще три медведя, которые стали смотреть во все стороны, чтобы понять, что его ранило. Он опустился, и я в кустах его больше не видел, и, думая что убил его, выстрелил в одного из оставшихся, и тот проревел, словно бешеный бык, и бросился ко мне. Я стрелял в него снова и снова, знал, что мои пули попадают в него, но он продолжал двигаться. Он прыгнул на меня, сбил с ног, и мы вместе покатались по крутому склону, и моя лошадь вслед за нами, потому что ее уздечка так и была примотана к моей левой руке. Я сильно поранился и весь был в крови, и медведь тоже. Я знал, что в магазине моего ружья осталось только два патрона, но выстрелил наугад, что только заставило его громко взреветь и снова броситься на меня. Я увидел, как моя лошадь набросилась на него, стала его лгать, и потерял сознание. Когда я пришел в себя, то увидел, что лежу под лошадью, которая продолжает лгать медведя, и понял, что снова теряю сознание. Я хотел позвать на помощь, но говорить не смог. "Пятнистая лошадь, – пошептал я, – бейся за меня," и ничего больше не помню.

Я снова пришел в себя и почувствовал страшную боль. Кровь текла у меня по лицу, из многочисленных ран и ссадин на груди и плечах, из сломанной руки. Лошадь стояла рядом со мной, ее бока были изранены и кровоточили. Я снова попросил ее помочь мне, и она стояла неподвижно, пока я подползал к ней, и после многих неудачных попыток смог забраться на нее вместе с ружьем. Не знаю, зачем я за него цеплялся, толку от него все равно не было. Я был слишком слаб, чтобы управлять лошадью, поэтому сказал ей нести меня в лагерь, и она сделала все, что смогла, чтобы донести меня туда. Там, где мы переходили через реку, я снова

потерял сознание, но Апикуни и мой племянник уже бежали ко мне на помощь. Они вернули меня к жизни, промыли и перевязали мои раны, и племянник отвез меня в агентство, где белый доктор соединил мои сломанные кости.

Так вот, друзья мои! Вот так я едва не лишился жизни, потому что пренебрег предупреждением из своего видения!

ГЛАВА 2.

Мы узнаем, как Гром-Птица принесла неприятности народам земли

После полудня Одинокый Волк и Наома поднялись в лагерь, чтобы переночевать там и рано утром подняться на хребет в надежде добыть лося. Наши старухи, сидевшие у вигвама Мальчика-Вождя, подивились ее элегантному охотничьему костюму, вельветовым брюкам, кожаным обмоткам и крепким ботинкам, рубашке из серой фланели и широкополой шляпе и ее легкому, но мощному ружью со скользящим затвором.

Одна из них не удержалась от восклицания:

– Куайо! Насколько больше она может, чем мы! Представьте только, что ответили бы наши мужчины, скажи мы только, что возьмем ружье и пойдем с ними на охоту, чтобы добыть мясо для наших вигвамов!

– Я знаю, что сказал бы мой мужчина! – воскликнула женщина Белой Собаки. – Он сказал бы: "Женщина, ты с ума сошла! Займись домашней работой, а мясо принесу я!"

– А что сделали бы они, если бы мы оделись в их широкие леггинсы и рубашки с открытым воротом! – сказала Сайо'пекина.

– Посмотрите на белых, которые живут в большом отеле позади нас, – сказала другая. – Мне жаль их мужчин. Не они, а их жены носят хорошую, красивую одежду и заставляют их бегать, покупать вещи, которые они носят, помогать им подниматься в огненные фургоны, которые ездят здесь вверх и вниз – они сделали их настоящими своими рабами!

– Да! Словно у них нет сил открыть дверь или подняться на пару ступенек! Они просто притворяются такими слабыми!

– Как было бы нам стыдно, если бы наши мужчины вели себя так, словно они рабы! – сказала Сайо'пекина, и все кивнули в знак согласия.

На ужин у нас была форель – большая красногорлая форель, которую я поймал в протоке, вытекавшей из озера, а потом наши старые друзья один за другим пришли в вигвам, чтобы посидеть с нами вокруг нашего маленького костра и поговорить о давно пошедших днях. Глядя на то, как Мальчик-Вождь нарезает табак старинным кремневым ножом с деревянной рукоятью, который был частью его набора талисманов, все молчали. Потом, когда большая трубка была наполнена, зажжена и пошла по нашему маленькому кругу, Белая Трава спросил меня, знаю ли историю о том, как было сделано первое кремневое оружие. Я ответил, что никогда об этом не слышал, но ничего удивительного в этом нет. Было время, когда, прожив двадцать семь лет среди этого народа, я стал верить в то, что знаю все их предания и традиции, но последующие посещения показали мне, что я был неправ – при каждой новой встрече я узнавал что-то новое. Я сказал об этом, и Белая Трава дал другому знак рассказать эту историю.

– Ты видел, Апикуни, тут и там на равнинах и в речных долинах большие круги из тяжелых камней, некоторые из них диаметром в десять больших шагов. Это было во времена наших предков, сделавших эти круги, первые кремневые ножи и кремневые наконечники для стрел, – начал Курчавый Медведь.

У них не было ножей и не было даже деревянных колышков, чтобы прикрепить к земле покрытие вигвама, поэтому они придавливали их тяжелыми камнями, чтобы их не унес сильный ветер. В каждом вигваме жили три или четыре семьи, которые были родственниками,

поэтому эти вигвамы были такими большими. Покрытие вигвама состояло из восьми или десяти отдельных полос, которые можно было быстро соединить друг с другом, и, когда лагерь переезжал, каждую полосу нес один из обитателей этого вигвама; для них требовались длинные тяжелые шесты, и такой шест тащил либо взрослый сильный мужчина, либо четверо-пятеро детей. Собаки этих древних людей таскали маленькие травуа, на которые грузили самые легкие вещи. Только когда появились лошади, которые могли таскать тяжелые шесты и покрытия, каждая семья смогла жить в своем собственном вигваме.

В те давние времена наши предки жили в двух лагерях. Человек по имени Дождливое Облако был вождем одного из них, а в другом был вождем человек, которого звали Красное Облако. Хотя бизоны и другая дичь в то время была многочисленны, оба лагеря должны были охотиться большую часть времени, потому что у мужчин не было оружия, которым можно было убивать животных. Когда охотникам удавалось заманить в ловушку или ударом по голове убить нескольких животных, они свежевали и разделявали их камнями с острыми краями, которые находили тут и там.

Потом, однажды ночью, Дождливое Облако получил видение, в котором его священный помощник появился перед ним и рассказал ему о некоторых простых вещах. Так что на следующее утро он отправился на поиски маленьких кусков кремня, нашел их и принес домой. Потом он велел своей семье и другим обитателям вигвама выйти и не возвращаться, пока он не крикнет, что можно войти. Выйдя, они слышали, что он поет песню, странную, тихую протяжную песню, которую они никогда не слышали, и удивились – где он мог ее узнать; ведь до этого он ничего не говорил им о своем видении, ни о том, почему он велел им выйти.

Следуя указаниям своего священного тайного помощника, Дождливое Облако положил кусок кремня в костер, где он скоро раскололся на тонкие пластины. Он взял одну из них и стал обрабатывать тонкой палочкой, по которой бил куском камня, и так сделал из кремня хороший нож, заостренный с одной стороны. Скоро он крикнул своим людям, что они могут вернуться. Когда они вошли в вигвам, он показал им, что сделал за время их отсутствия, даже порезал этим ножом кусок мяса, чтобы показать, какой он острый. Они спросили его, как он это сделал, и он ответил, что его священный помощник не велел ему рассказывать кому-либо о том, как делать ножи, но, если они найдут большие куски кремня и принесут ему, он сделает по ножу для каждого вигвама в лагере.

Потом, когда много больших кусков кремня было найдено и принесено к вигваму Дождливого Облака, он испугался, что, если он будет делать ножи здесь, кто-то в его лагере или в лагере Красного Облака послушают его приказа и подсмотрят, как он это делает. Человеком он был добрым и был бы рад научить людей, чтобы каждый смог изготовить себе такой нож, но не осмеливался это сделать, потому что его священный помощник в видении сказал ему: "Я научил тебя этому, и ты должен хранить это знание в себе. Я предупреждаю тебя, что, если другие об этом узнают, большие несчастья обрушатся на твой народ и других людей, и будут они продолжаться вечно."

Решив подчиниться этому приказу, Дождливое Облако пошел бродить вокруг, чтобы найти место, где он мог бы вдали от посторонних глаз делать ножи, и нашел небольшой участок прерии, окруженный со всех сторон голыми холмами. Если бы кто-то из людей решил забраться на холм, чтобы проследить за ним, он оказался бы так далеко, что не смог бы разглядеть, что он делает, а если бы кто-то направился к нему, он бы успел спрятать работу и прогнать их. Так что сюда, в середину этой прерии, он каждый день приносил куски кремня, разводил костер, расщеплял камни и делал из них ножи, которые раздавал людям, как только успевал делать острые грани.

Несколько человек их лагеря Красного Облака пришли навестить своих друзей в лагерь Дождливого Облака, и, вернувшись домой, рассказали вождю о острых ножах из кремня, которые Дождливое Облако в тайне делает для своих детей, по ножу на каждый вигвам.

– У нас тоже такие должны быть, и скоро, – объявил Красное Облако. Он отправился прямо к Дождливому Облаку и попросил его показать, как он делает острые лезвия.

– Этого я не могу тебе показать, хоть ты и вождь, потому что мой священный помощник приказал мне не учить никого больше, как их делать, и предупредил, что, если кто-то другой узнает, как это делается, несчастья обрушатся на всех людей, живущих на земле, – ответил Дождливое Облако.

Красное Облако улыбнулся.

– Я уверен, что ты не понял своего видения. Знание того, как делать ножи, не может повредить людям, оно имеет для них огромную ценность, даст им возможность делать быстро то, что сейчас отнимает у нас много времени и много сил. Будь другом, скажи мне; покажи, как делаются острые лезвия из кремня, – умолял он.

Он не только умолял, но предлагал заплатить, отдать все, что у него есть, чтобы только узнать, как делать ножи. А когда Дождливое Облако все же отказал, ему, он пришел в ярость, заявил, что все же узнает, как делать ножи, вернулся домой, долго сидел в своем вигваме и строил планы, как бы ему это сделать. На следующее утро он прошел в лагерь Дождливого Облака, потом развернулся и забрался на холм, откуда мог видеть место, где вождь делал ножи. Он мог его видеть, сидящего у костра, делающего свою работу, быстро двигая руками, особенно правой, которой работал над куском кремня. Потом он спустился с холма и пошел домой, всю дорогу напевая веселую песенку, которую сам сочинил, и в которой главными словами были: "Дождливое Облако, я скоро узнаю твой секрет."

Той же ночью, когда взошла луна, Красное Облако вернулся в маленькую долину, где работал Дождливое Облако, и спрятался недалеко от кострища в густых кустах шиповника. Настало утро, и Дождливое Облако пришел на свое рабочее место, чтобы продолжить делать ножи. Он подошел прямо к кострищу, даже не подойдя к кустам шиповника, чтобы посмотреть, не спрятался ли там кто-нибудь, только осмотрев склоны соседних холмов в поисках тех, кто мог бы туда забраться, чтобы выведать его секреты. Он разжег костер от тлеющей гнилушки, которую принес из своего вигвама, и, когда он разгорелся, положил в него куски кремня. Скоро они потрескались, и, как только они остыли, он взял один из них и стал придавать ему форму лезвия, и ни одного движения Красное Облако не упустил. Он сделал два ножа, и, когда солнце было в зените, он взял их и свои тонкие инструменты с острыми кончиками, и пошел домой. Но Красное Облако так и не двинулся, он пролежал в кустах весь день, и только когда настала ночь, он взял из костра несколько кусков кремня и в темноте поторопился в свой лагерь за холмами.

– Где ты был? – спросила го женщина.

– Бродил вокруг, отдыхал в кустах, – ответил он.

– Ты мог бы сделать что-то лучше; если бы ты действительно думал обо мне и твоих детях, то постарался бы достать для нас мяса, вместо того, чтобы отдыхать в кустах, – отругала она его. Он не рассердился на нее, а радостно улыбнулся и сказал:

– Женщина, лежание в кустах – самое лучшее, что я смог сделать для тебя и для всего народа, потому что я совершил великое открытие!

– Что такое? Быстрее скажи мне!

Но он этого не сделал – он только улыбнулся, напевая про себя сочиненную им песенку, и лег спать.

На следующий день Красное Облако один вышел из своего лагеря и, набрав палочек подходящего размера из твердого дерева, стал делать инструмент для работы с кремнем, такой же, как увидел накануне у Дождливого Облака. Он подобрал и несколько больших кусков кремня, чтобы использовать их как основу для работы, и принес их домой вместе с деревянными приспособлениями. Это была тяжелая работа, и он очень устал. Войдя в вигвам, он прошел прямо к своей лежанке и лег. Его женщина, видя, что вместо мяса он принес несколько камней и

палок, снова устроили скандал за то, что он не думает о ней и голодных детях, и он снова не ответил на ее гневные слова, снова напевая про себя сочиненную им песенку. Но теперь в ней появились другие слова: "Дождливое Облако, я узнал твой секрет!"

Настало следующее утро, и Красное Облако развел огонь перед входом в вигвам, и крикнул, чтобы все приходили к нему. Они пришли, и с трудом поверили своим ушам, когда он сказал, что прямо сейчас они увидят, как он делает кремневый нож. Некоторые из них улыбались и шептались друг другу, что их вождь, похоже, сошел с ума.

Но немного позже им стало не до смеха, когда, расколов один кусок, он стал обкалывать лезвие одного из осколков, пользуясь своей палочкой, к все осторожнее и осторожнее, пока не получил ровное, тонкое и острое лезвие.

– Вот! Теперь вы видите, как это делается, – сказал он им. – Теперь каждый может сделать нож для себя.

Некоторые из собравшихся его не слышали, они уже убежали, чтобы найти куски кремня и сделать деревянные инструменты по образцу тех, что были у него. В течение месяца с этого дня в каждом вигваме большого лагеря было множество ножей – даже дети их носили и помогали взрослым свежевать и разделывать добычу, которые те заманивали в ловушки или добывали иным способом.

В лагере Дождливого Облака скоро стало известно, что Красное Облако научил своих людей делать кремневые ножи, и, поспешив к своему вождю, попросили его не хранить больше секрет изготовления кремневых ножей, и были так настойчивы, что он пообещал научить их делать ножи. Но он был очень сердит, и, придя в лагерь Красного Облака, потребовал, чтобы тот сказал ему, как он овладел этим искусством.

– Это было нетрудно. Я спрятался в кустах там, где ты делал ножи, и подсмотрел, как ты это делаешь, – ответил тот.

– Ты должен был хранить в тайне свое знание. Ты научил делать ножи своих людей и тем вынуждаешь меня обучить этому умению моих людей. И я говорю тебе – ты дурно поступил, и дальше будет еще хуже: ты навлек большие несчастья на всех людей, живущих на земле!

– Как это? Как может принести несчастье умение делать ножи?

– Увидишь сам, – ответил тот, и, завернувшись в плащ, ничего больше не говоря, ушел домой.

Спустя одну луну, бродя в поисках кремня, Красное Облако очень удивился, когда к нему подлетела ржанка и, летя у него над самой головой, сказала:

– Я послана, чтобы помочь тебе. Я живу в облаках, и Гром-Птица – мой вождь. Она послала меня научить тебя делать хорошие ножи из кремня вместо тех плохих, которые ты и твои люди делаете сейчас.

– Ты и твой вождь очень добры. Научи меня; я буду очень рад знать, как делать ножи лучше, – ответил Красное Облако.

И тут же ржанка велела ему разжечь костер, расколоть кремень и, следуя ее указаниям, сделать кремневый нож с двумя лезвиями вместо одностороннего. Это было большое улучшение, потому что такой нож служил вдвое дольше обычного, и Красное Облако был очень благодарен. Он пригласил ржанку погостить у него, пообещав, что его люди не причинят ей зла, и птица согласилась остаться у него на некоторое время.

Некоторое время спустя, слетав к Гром-Птице, своему вождю, ржанка вернулась на землю и сказала Красному Облаку, что большое небесное божество приказало ей научить его делать по-настоящему сильное оружие, которое очень пригодится ему и его народу. И он по ее указаниям изготовил лук из древесины ирги и, пока он сох, сделал несколько стрел из ровных тонких побегов ивы, заострив один их конец, а на другой прикрепив перья. Когда лук и стрелы были готовы, он начал учиться стрелять, и скоро уже смог убить рябчика или кролика, но, когда он стрелял в оленя или антилопу, те убегали со стрелами, торчавшими в теле. Он пожа-

ловался ржанке, что стрелы недостаточно сильны. Она слетала к Гром-Птице и, вернувшись, принесла новые указания от небесного божества. Тщательно следуя им, он расщепил кончик стрелы, вставил в расщеп маленький обоюдоострый нож, а потом связал его жилами и проклеил. Потом он пошел на охоту и одной стрелой убил большую бизониху. Она немного пробежала, потом упала и испустила дух. Тут все его люди испустили громкий крик радости и побежали к добыче. Они обнимали его, называли великим вождем, потому что увидели, что теперь, пользуясь луком и стрелами с привязанным к их концу ножичком, они смогут убивать бизонов и других животных, которые им нужны. В течение короткого времени после этого большой лагерь стал красным от сушившегося мяса, а женщины выделывали шкуры бизонов, чтобы сделать из них лежанки, и мягкие шкуры мелких животных, чтобы сделать из них одежду.

Теперь Дождливое Облако услышал об оружии, которое делают и используют люди в другом лагере, и он поспешил туда, и по пути увидел, как охотник подкрался к бизону и убил его с помощью лука и стрелы. Он пришел в лагерь, нашел Красное Облако и сказал ему:

– Сделав лук и стрелы, научив своих охотников их делать, ты сделал очень плохое дело. Я прошу тебя сейчас, прямо сейчас, уничтожить все, что ты сделал, и запретить своим людям делать что-то из этого.

– Ты, должно быть, сошел с ума, раз просишь меня сделать это. Чего ты хочешь? Уничтожить наши луки и стрелы, запретить их делать – самые полезные вещи, которые у нас есть, оружие, которое позволяет нам убивать животных, которые нам нужны? Никогда, никогда мы этого не сделаем! – ответил Красное Облако.

– Кто научил тебя делать это оружие? – спросил Дождливое Облако.

– Ржанка научила меня этому, но она это сделала по приказу Гром-Птицы, и для этого спустилась с неба. Это небесное божество очень щедрое. Просто оглянись: наш лагерь красен от мяса, наши женщины выделывают шкуры, которые нам нужны.

– Я не слеп; я вижу, зачем Гром-Птица научила тебя делать это оружие. Умение его делать распространится по всем народам, живущим на земле, и скоро они начнут сражаться друг с другом и убивать друг друга. Да, друг мой, именно этого хочет Гром-Птица. Она хочет гибели и страдания для всех народов земли. И ты этого не предотвратишь. Сейчас, пока еще не слишком поздно, заставь своих людей принести луки и стрелы, которые они сделали, и ты должен все это сжечь и запретить дальше их делать. Сделай так, друг мой, и, пока живут на земле люди, они будут тебе благодарны.

Красное Облако усмехнулся.

– Что? Отобрать у моих людей вещи, которые позволяют им получать жирное мясо и нужные шкуры? Никогда я этого не сделаю! – снова ответил он.

Дождливое Облако повернулся и, печальный, отправился в свой лагерь, и сказал своим людям что они не должны делать луки и стрелы. Они ничего ему не сказали, но стали покидать его – одна семья за другой уходили к Красному Облаку, там делали оружие и охотились с ним. Поэтому он вынужден был отменить свой приказ не делать оружие, но сказал, что они доживут до того, что увидят, как один человек убивает другого, и оказался прав. Да, своим даром Красному Облаку Гром-Птица навлекла большие несчастья на людей земли. В то время они жили в мире друг с другом, потому что им приходилось тратить много сил, чтобы добыть мясо и шкуры. Но теперь, с новым мощным оружием, они быстро убивали нужных им животных. Они стали жадными, племена стали спорить из-за богатых охотничьих угодий, и люди стали убивать друг друга. И сверху, с синего неба, Гром-Птица смотрит, как они падают и умирают, и ее злое сердце радуется.

Так закончилась эта история. Было уже поздно, наши старики хотели спать, и Мальчик-Вождь посоветовал им разойтись по своим вигвамам.

– Да, мы пойдем, но вначале сделаем что-то, что поможет Одинокому Волку, когда завтра он пойдет охотиться на лося. Давайте, друзья, все вместе споем песню Волка, – сказал Белая Трава.

Они спели ее с большим удовольствием, четыре раза, эту песню Волка, самого успешного и добычливого охотника из всех обитателей прерий. И, когда они закончили ее и приготовились покинуть нас, Белая Трава воскликнул:

– Вот! Мы помогли тебе! Я знаю, что ты добудешь нам жирного мяса!

ГЛАВА 3.

Мы осматриваем памятник Поднимающемуся Волку и беседуем о нем, первом белом, пересекшем эту горную страну.

День начался не очень спокойно – когда Одинокий Волк и Наома отправились на поиски лося, я услышал, как Белая Трава в своем вигваме по соседству с нашим истово молится Солнцу, прося его даровать им удачу, а затем снова пропел, четыре раза, песню Волка. Во всех вигвамах женщины начали болтовню, пока разводили костры, мыли, заплетали и укладывали волосы и готовили завтрак. Мужчины пошли к реке и быстро окунулись в холодную воду, а после завтрака собрались на берегу озера, чтобы покурить и поговорить. С далекого горного склона до нас донесся звук двух выстрелов, а потом еще двух, и старики, посмотрев друг на друга, хлопнули в ладони и радостно улыбнулись.

– Ну вот! Мясо, и много! Я знал, что наши молитвы и песня Волка даруют успех нашим охотникам! – сказал Белая Трава.

Час спустя или позже мы увидели, как они возвращаются, быстро идя по равнине, и, когда они были рядом с нами, мы увидели, что их руки в крови. Дрожащими от волнения голосами старики спросили, скольких лосей те подстрелили.

– Двоих, оба жирные самцы, – кратко знаками ответил мой сын и старики захлопали в ладони и стали его поздравлять.

– Но вы ошибаетесь; ваши поздравления должны относиться к моей жене. Это она их застрелила, не я! – ответил Одинокий Волк.

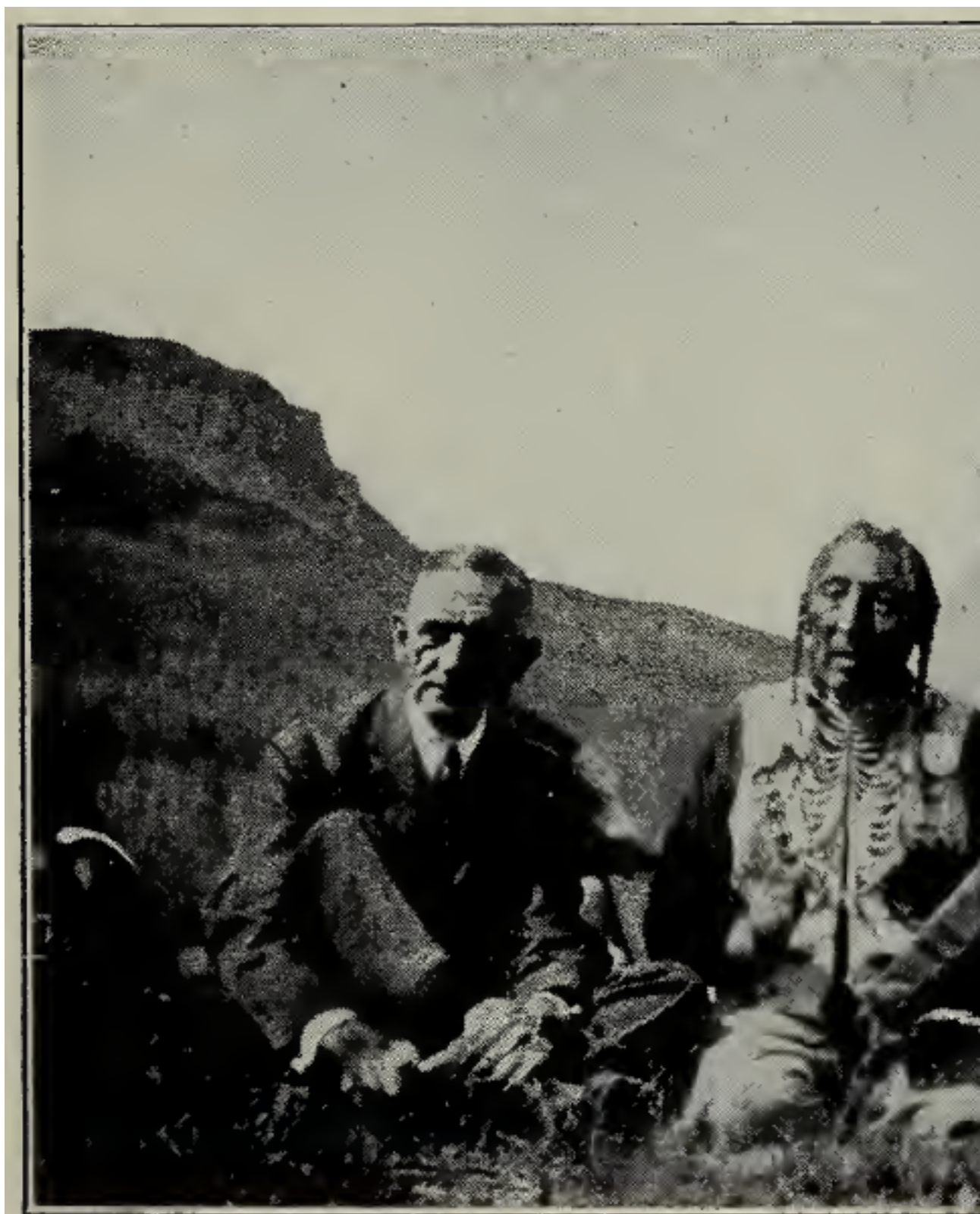
Все, особенно женщины, торопливо выбежавшие к нам, с трудом поверили в то, что слышали правильно.

– Что! Двух лосей, и их застрелила молодая женщина? Это невозможно, она не могла этого сделать, – крикнул Белая Трава.

LONE WOLF AND APIKU

Одинокий Волк и Апикуни (Джеймс Уиллард Шулыц)

APIKUNI (JAMES WILLARD)
LONE WOLF, AND M

Апикуни (Джеймс Уиллард Шульц), Курчавый Медведь, Одинокый Волк и Много Хвостовых Перьев

– Но это так. Уложила одного первым выстрелом, другого ранила, и двумя выстрелами его добила, когда он пытался убежать, – ответил Одинокый Волк.

Их изумление было безграничным.

– Это самое странное, что я когда-либо слышала! Подумай только, что она смогла сделать, простая женщина, как ты и я! – сказала женщина Белой Травы Сайо'пекине.

– Да. Никогда никто из нас не охотился и не убивал животных, никто кроме девы-воина Бегущего Орла, которая охотилась и добывала мясо здесь, в этих горах, много лет назад, – ответила та.

Когда все успокоились, мой сын сказал, что ему нужна лошадь, на которую он мог бы погрузить мясо. Пока молодой Вороньи Перья бегал к табуну, Белая Трава сказал, что хочет пойти к добыче, чтобы еще раз посмотреть на добычу, лежащую там, где охотник ее убил.

– Но ты не сможешь туда дойти, у тебя же все время все болит, – возразила его женщина.

– Женщина, даже если я ради этого умру, я поднимусь туда и помогу свежевать и разделывать этого лося, – объявил тот.

Он не смог сесть на лошадь, которую для него привели, и мы с моим сыном подняли его и посадили в седло. Он отправился вместе с остальными, распевая песню радости.

Мы развернулись и снова сели лицом к озеру. Вождь-Мальчик вновь набил свою большую трубку. Курчавый Медведь зажег ее и выпустил дым к Верхним Людям и к Матери-Земле. Дальше трубка пошла от одного к другому. Долго никто из нас ничего не говорил; мы смотрели, как форели в поисках пищи плескались на зеркальной поверхности озера, а гагара с пронзительным криком плавала по его поверхности и ныряла, тоже ища пропитания.

Наконец Тяжелые Глаза указал на большую красно-серую скалу, высоко поднимавшуюся над остальными в верхнем конце долины, произнес:

– Апикуни, мой младший брат, это было очень хорошо, что ты сделал, назвав эту большую гору именем моего отца.

– Никто не имеет на это больше права, чем твой отец, Поднимающийся Волк, – ответил я после минутных раздумий. – Быть может, кто-то их первого отряда белых, прошедших через эту страну, ее видели, но я уверен, что именно он был первым белым, который ее увидел, увидел всю, от подножия до вершины, врезавшейся в голубое небо.

Разумеется, я имел в виду членов отряда Льюиса и Кларка, которые, возвращаясь с берегов Тихого океана в 1806 году, повернули от Миссури на север, пересекли реку Тетон (которую они называли Танси), и в месте слияния рек Двух Талисманов и реки Обрывистых Берегов убили двух индейцев из племени гро-вантров.

– Верно, – сказал Курчавый Медведь, – хоть кожа у него и была белая, Поднимающийся Волк был одним из нас, и потому правильно, что эта большая гора носит его имя. Но другие горы, за этой, и к северу от нее – многие из их носят имена белых людей, которые никогда не были нашими друзьями, которых мы даже никогда не видели! Это неправильно! Это были наши горы; и они остаются нашими; они будут носить имена наших великих соплеменников, которые ушли в Песчаные Холмы, например Одинокого Ходока, Бизона, Который Поворачивается, Большого Озера, Трех Солнц, Черного Орла...

– Да, каждая гора, и каждая река и озеро среди них, должны носить имена великих пикуни, но это невозможно. Я упорно пытался этого добиться, но у меня ничего не получилось. Люди в городе Большого Отца, которые решают эти вопросы, не стали меня слушать, – сказал я.

– Ха! Белые! Все они воры! – воскликнул Вождь Воронов.

– Нет, не все: десятки сотен⁹ из них были бы рады дать этим местам имена великих вождей черноногих, но они бессильны; их желания – ничто перед силой тех, кто дает имена, сидящих в городе Большого Отца, – ответил я.

После этого Мальчик-Вождь выбил пепел из докуренной трубки, и все замолчали, занятые своими мыслями.

Моя мысли были о том, что мне очень повезло близко узнать Поднимающегося Волка (Хью Монро) и что за долгое время, пока я был с ним знаком, я узнал о всех его многочисленных приключениях на равнинах Северо-Запада. Больше всего мне нравились часто повторяемые его рассказы о первом годе, проведенном с пикуни, которые я как мог пересказал в книге "Поднимающийся Волк, белый черноногий", вышедшей в 1921 году.

Вкратце – Хью Монро, сын капитана английской армии Хью Монро, и Амели де ля Рош, дочери представителя знатной семьи французских эмигрантов, родился в Три Реки, в провинции Квебек, в 1798 году, и, едва ему исполнилось шестнадцать лет, уговорил отца и мать позволить ему стать служащим компании Гудзонова Залива. Отплыв из Монреаля на одном из принадлежащих компании судов вместе с флотилией, отправлявшейся на запад, весной 1814 года, он следующим летом прибыл в форт Маунтин (иногда его называли форт Кривой), стоявший на реке Кривой у подножия Скалистых Гор. Там управляющий сразу отправил его жить и кочевать с племенем пикуни, входившем в конфедерацию черноногих, велел ему овладеть их языком, чтобы в дальнейшем стать переводчиком. Так что под покровительством верховного вождя, Одинокого Ходока, он вместе с племенем путешествовал на юг вдоль Скалистых гор, дошел до Йеллоустоуна, там зимовал, весной вернулся в форт и снова был отправлен управляющим еще на год жить с племенем. По окончании этого года он стал говорить на языке черноногих не хуже, чем на английском или французском, и несколько лет провел в фактории в качестве переводчика. Так что, несомненно, Поднимающийся Волк стал первым белым, прошедшим вдоль восточного подножия Скалистых гор между Саскачеваном и Миссури, и первым из людей своей расы жил и охотился в горах и речных долинах между Миссури и Йеллоустоуном, в частности в верховьях реки Джудит, низовьях реки Устричных Раковин и вдоль рек Джудит, Ремня, Мокассина и у Снежных гор.

В течение второго года путешествий с пикуни Поднимающийся Волк женился, взяв в жены никого иного, как молодую и красивую дочь Одинокого Ходока, верховного вождя племени. От нее у него было два сына, Джон и Франк, и три дочери – Мэри, Лиззи и Амели, которые сейчас лежат в больнице при индейском агентстве.

Несколько лет до своей смерти Поднимающийся Волк жил со своим сыном Писканом (Загон Для Бизонов), или Джоном Монро, на реке Двух Талисманов, недалеко от миссии Святого Семейства, а остальное время со своим внуком Сиксика'куамом (Черноногим), или Уильямом Джексонном, на реке Обрывистых Берегов. В обоих этих местах я проводил с ним много времени, в основном в доме Джексона, с которым сотрудничал во многих делах. Но задолго до этого, когда у нас с моим близким другом, Джозефом Киппом, был форт Конрад, торговый пост на реке Мариас, там, где теперь стоит город Грейт Фоллс и реку пересекает линия Канадской железной дороги, Поднимающийся Волк приходил ко мне, оставаясь иногда на несколько недель, так что мы с ним стали близкими друзьями. Приходил он обычно для того, чтобы навестить мать Киппа, Земную Женщину, которая была из племени манданов, и ее подругу, Ворону из племени миннетари, а не пообщаться с нами, но при каждой возможности я присаживался к ним и слушал разговоры этой троицы, которые всегда велись на языке черноногих, который все мы знали в совершенстве, и в этих разговорах возвращались во времена первых поселенцев, появившихся на равнинах к западу от Миссисипи.

В нижнем конце долины, где стоял форт Конрад, там где Сухая Вилка впадает в Мариас, летом две старые женщины делали небольшой огород, где сажали кукурузу и кабачки, и там у них был навес из жердей, покрытых старыми шкурами от вигвамов: вот там я часто после полудня сидел с ними и Поднимающимся Волком. Вначале мы поливали посевы из ведер, которые приносили от реки. Карликовая кукуруза была высотой в два фута, когда ее початки открывались, а кабачки вырастали диаметром от четырех до шести дюймов. Потом, закончив работу,

мы разводили небольшой костер и перекусывали, и только после этого мы с Поднимающимся Волком зажигали трубки, и он начинал свои рассказы. У каждого из нас была трубка из черного камня с длинным чубуком. Старик наполнял свою трубку смесью красной ивовой коры и табака, я же предпочитал, как принято у черноногих, смесь табака и *l'herbe*; красная ивовая кора была распространена у кри, ассинибойнов и сиу, но пикуни ее не любили.

Так что здесь, где Сухая Вилка впадает в Мариас, много послеполуденных часов я провел, слушая о том, что было в верховьях Миссури и на Саскачкване – это были истории племени и рассказы о чьих-то приключениях, относящихся к основанию торговых постов Американской Пушной компании в верховьях Миссури. Все трое моих старых друзей хорошо знали Сакаджавею, героиню экспедиции Льюиса и Кларка. Капитан Джеймс Кипп, агент Американской Пушной компании, взял Земную женщину в компаньоны перед тем, как построить форт Юнион в устье Йеллоустоуна в 1830 году, и она же сопровождала его и его работников к устью реки Мариас летом 1831 года, когда он построил там форт Маккензи. И она и Ворона знали, и очень хорошо, трех главных агентов компании – Кеннета Маккензи, построившего форт Юнион, Александра Гильбертсона, построившего форт Льюис и форт Бентон, и Джеймса Доусона – последнего управляющего фортом Бентон, при котором компания прекратила свою деятельность и вышла из бизнеса. Они здоровались за руку с Джорджем Кетлином, когда в 1832 году он прибыл в форт Юнион, чтобы писать прекрасные портреты индейцев, когда те прибыли для весенней торговли, и встречались даже с великим "вождем", как они его называли – Максимилианом, князем немецкого княжества Виед. В книгах "Женщина-Птица" и "Поднимающийся Волк" я как мог передал услышанные мной под навесом около огорода рассказы этих стариков. Но увы, многое из услышанного показалось мне не особо важным и было забыто, а это были, как я сейчас понял, интереснейшие истории о давно прошедших днях торговли пушниной!

– Тяжелые Глаза, – сказал я, передавая трубку Курчавому Медведю, – как и Поднимающийся Волк, часто останавливался в этих горах – только он и вы, его дети, и удивительно, что он и вы не были уничтожены одним из проходивших там отрядов вражеских племен – сиу, ассинибойнов или Ворон. Ведь даже военные отряды миннетари знали эту часть страны.

– У нас было несколько стычек с ними, когда мы едва смогли спастись, – ответил он. – Но ты должен помнить, что мой отец был иксатосим¹⁰. Вскоре после того, как он взял в жены нашу мать, и до того, как был рожден первый из его детей, в одну из ночей он получил сильное видение. К нему пришел волк и сказал: "Я вождь этих великих равнин, и ты мне очень нравишься; поэтому я пришел, чтобы сказать тебе, как сделать что-то, что спасет тебя в час опасности. Иди и добудь хвостовые перья совы, шкурки горноста и норки и сделай военный головной убор."

"Как скажешь," – ответил мой отец, или, точнее, его тень. Он добыл перья и шкурки и сделал головной убор, но волку он не понравился; он унес его и переделал, и пел все время, пока скреплял между собой все его части. И, когда ему понравилось то, что он сделал, он одел убор на отца и стал ходить вокруг него, смотрел на него со всех сторон и продолжал петь, и наконец сказал: "Вот теперь все так, как я хочу. Это спасет от врагов тебя и всех твоих друзей и родственников, которым ты его одолжишь. И не забудь песню, которую я пел, пока делал этот убор, и которую ты должен петь перед лицом опасности, когда наденешь этот убор. Само владение этим убором, пока он будет рядом с тобой, в твоём вигваме, с тобой или на твоей лошади во время путешествий, защитит тебя от врагов. Вот! Я помог тебе и теперь уйду."

Тень моего отца вернулась в тело. Он проснулся и подумал об этом удивительном видении, разбудил мою мать и рассказал ей об этом, и она очень обрадовалась. "О муж мой! Солнце такое доброе! Оно любит тебя, оно послало своего сына, Вождя Волка, чтобы дать тебе единственную вещь, которая нужна тебе, чтобы ты стал воином нашего племени. Немедленно сделай такой головной убор, потому что я не хочу больше бояться за тебя, пока ты охотишься или ставишь капканы," – сказала она.

Мой отец сделал головной убор – точно такой, как в своем видении, и повторял песню снова и вновь, пока не был окончательно уверен в том, что больше ее не забудет. Этот головной убор он носил в раскрашенном и расшитом цилиндре из сыромятной кожи, который сам и сделал, и, как Вождь Волк ему и обещал, он помогал ему много раз, когда его жизнь была в опасности. Несколько раз он давал его моему деду, Одинокому Ходоку, и моему дяде, которого звали Три Солнца, и те носили его во время набегов на вражеские племена, и всегда им сопутствовал большой успех. Когда он состарился, то передал его Трем Солнцам. Теперь этот убор лежит в могиле Трех Солнц, которая находится ниже по реке Двух Талисманов от его собственной.

– Я хорошо помню этот убор: это был сильный защитник, – сказал старый Белая Трава.

– Твой отец, Поднимающийся Волк, был рожден в вере Черных Накидок, – заметил я. – Он верил в то, что эта вера истинная, но все же искренне следовал вере пикуни.

– Да. И почему не должен он был так поступать? Почему он не должен был почитать Солнце? Оно на виду, каждый день путешествует в синеве, дает нам тепло и заставляет расти траву и все остальное. Мы знаем, что оно живое, и от нашего далекого предка, Лица Со Шрамом, который посетил его в его жилище на далеком острове, мы узнали, как нам жить и что делать, чтобы оно было довольным. Да, мой отец искренне верил в его силу, в его доброту к нам, его детям, и все меньше и меньше следовал вере Черных Накидок, пока, наконец, совсем от нее не отвернулся.

– И ты, Апикуни, тоже не следуешь вере белых. Не так ли, шурин? – спросил меня Мальчик-Вождь.

– Мы вместе были в священных хижинах, и ты выдел, как я со всеми делил священный язык, – ответил я.

– Да! Так и есть! Он нашей веры! Он пришел к нам почти мальчиком, он рос среди нас, он стал истинным последователем веры в Солнце! – воскликнул старый Белая Трава, и все остальные, сидевшие в кружке, одобрительно что-то пробормотали.

Я ничего не сказал. Я ни во что не верил за пределами этой жизни. Но должен совершенно искренне сказать, что участие в религиозных обрядах и церемониях пикуни не раз наполняло слезами мои глаза. Ни один из белых проповедников, которых я слышал, а слышал я многих, и среди них очень известных, не вели службу так искренне, с такими чувствами, как жрецы Солнца пикуни.

– Но ведь не только один лишь головной убор защищал моего отца и мать вместе с их детьми во время странствований по этим горам, – продолжал Тяжелые Глаза. – Когда мне было семь или восемь лет, мы оставили большой лагерь пикуни ниже по Медвежьей реке и поднялись сюда, чтобы ставить капканы на бобров. Было уже поздно, когда мы пересекли протоку из озера и, пока мы ставили вигвам в роще хлопковых деревьев, настал вечер. Уже в сумерках мы с сестрами стали собирать хворост для костра, а мой брат, Маленький Волк, собрал всех наших лошадей и погнал их выше на склон хребта, где они должны были пастись всю ночь. Он отошел совсем немного, когда справа от него раздался выстрел, и пуля попала в осину прямо перед ним. Он прыжком укрылся за деревом, крича нам: "Поднимающийся Волк! Тяжелые Глаза! Помогите! Враг стреляет в меня!"

– Это ошибка! Не бойтесь нас! Мы подумали, что вы кри! – крикнул нам стрелок на хорошем языке пикуни, и вышел к брату, он и еще много других людей, которые все показывали нам знак мира и кричали, что они наши друзья. Это был Белый Бобер, вождь кутенаи, и девять человек из его лагеря. Они обняли моего брата и вместе с ним вошли в наш вигвам, где их приветствовал мой отец.

– Мне плохо от того, что сделал, выстрелил в твоего сына, – сказал ему Белый Бобер. – Ведь я мог убить его! Мы пересекли ваш след в долине, ниже этого места, пошли по нему и вдалеке увидели вас: мы подумали, что вы – семья полукровок кри. Мы их не любим, как ты

знаешь. Они не имеют права ходить здесь, в наших и ваших горах, охотиться тут и ставить капканы. Поэтому мы решили вначале забрать ваших лошадей, а потом всех вас убить. О, как я рад, что промахнулся!

– Не говори больше об этом. Все хорошо. Входите в мой вигвам, ты и твои люди, и мы поедем и покурим, – ответил отец, и все приняли приглашение.

Мой отец быстро наполнил свою большую трубку и передал ее вождю, чтобы то ее зажег. Она пошла по кругу, началась беседа. Мы узнали, что кутенаи стоят на Средней Вилке у Двух Талисманов, далеко за горным перевалом. Отец сообщил гостям новости из лагеря пикуни, откуда мы пришли. Моя мать и сестры приготовили нам прекрасное угощение – жареные вяленые бизоньи языки, вяленые корни камасса и бизоньи ягоды¹¹.

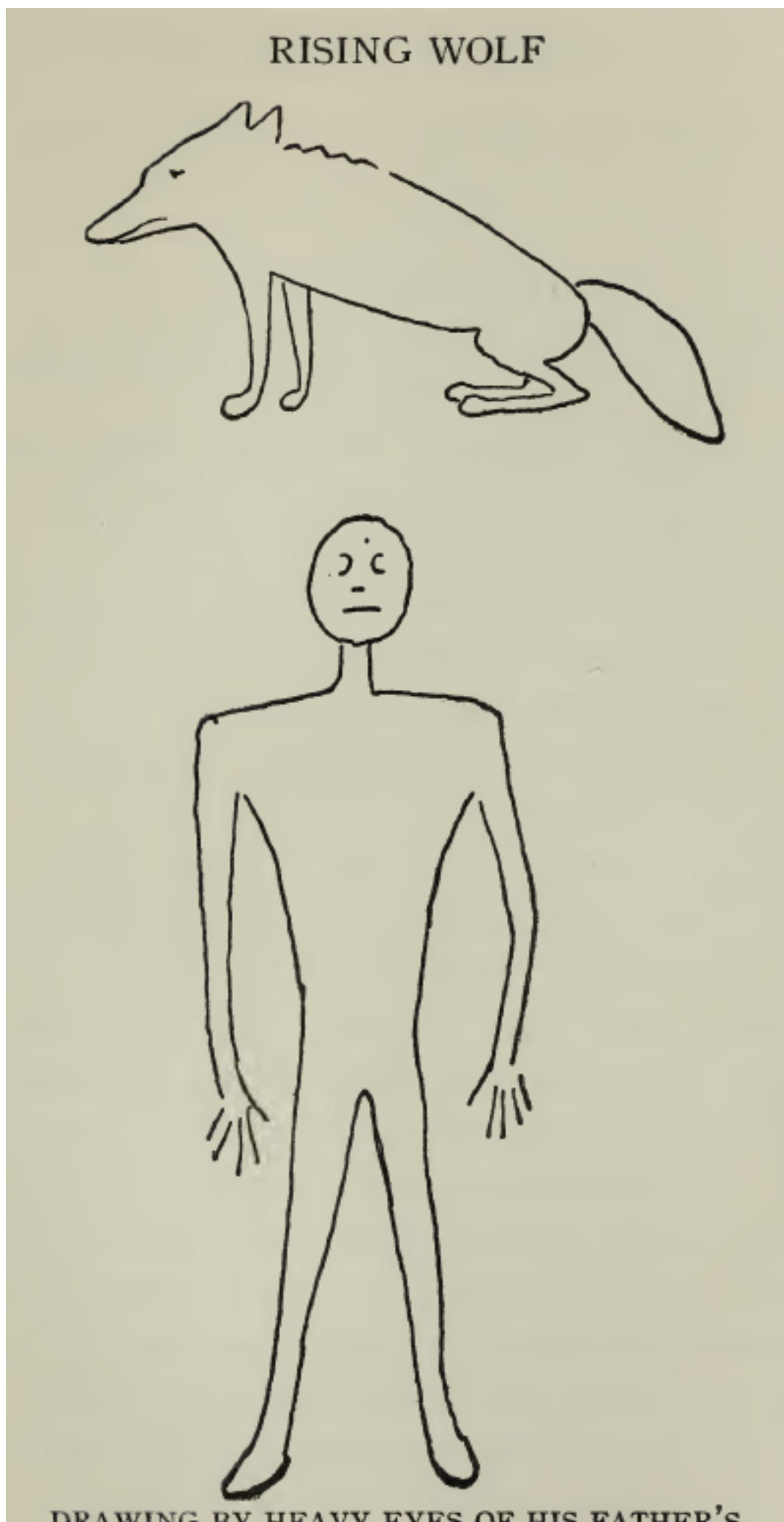
Ну, а после еды трубка снова пошла по кругу, и Белый Бобер сказал отцу:

– Поднимающийся Волк, ужасная ошибка, которую мы сделали, приняв вас за полукровок кри, может повториться в любое время, и ее могут сделать как мы, так и любое другое племя, обитающее в этих горах. Все они ваши друзья – Плоскоголовые, пенд д'орелли, стонис и даже живущие далеко на западе нез-персе. Все они хорошо знают тебя, знают твое имя, Поднимающийся Волк. Сейчас я хочу дать тебе совет, что нужно тебе сделать для того, чтобы мы или они не ошиблись больше, приняв тебя за врага, и я думаю, тебе нетрудно будет это сделать. Сделать нужно вот что: на тропинках, ведущих к твоему лагерю, и в нескольких местах вокруг него нужно оставить метки, по которым тот, кто подойдет к лагерю, сможет узнать, кто ты такой. Это сделать просто: нужно только содрать с деревьев полоски коры и на белой древесине нарисовать изображение человека, а над ним – изображение волка на задних лапах.

– Как ты мудр, друг мой! И как глуп я, что сам не подумал об этом! За все, что вы для меня сделали, я подарю тебе лошадь – серую трехлетку из моего табуна. Возьми ее и отведи в свой лагерь, когда захочешь, – сказал мой отец.

На следующее утро отец содрал кору с деревьев вдоль тропы, ведущей к нашему лагерю, и с нескольких деревьев вокруг него, и на белой поверхности черной краской нарисовал знаки, обозначающие его имя – человека и поднимающегося волка. И после этого он делал то же самое вокруг других наших лагерей, и это не раз спасало нас от нападения военных отрядов дружественных нам племен, живущих в горах или к западу от них. Когда мы с братом выросли, то сами рисовали для него эти знаки. Я рисовал лучше, и брат из-за этого злился. Хотя я и калека, карандаш все же держать могу. Дай мне один лист бумаги, и я прямо сейчас нарисую тебе знак имени, и ты поместишь его в свою толстую книгу для белых людей.

Я дал ему, что он просил, и через несколько минут он сделал эскиз. Позднее мой сын срисовал его чернилами, так что его можно было сфотографировать для этой книги.

Сделанное Тяжелыми Глазами изображение имени его отца (Поднимающегося Волка)

ГЛАВА 4.

Поднимающийся Волк и его дети сражаются с ассинибойнами на озере Святой Марии.

Наши охотники вернулись в полдень, их лошади сгибались под грузом жирного лосиного мяса. Старый Бела Трава сопровождал процессию – его руки были покрыты запекшейся кровью.

– Я это сделал! – крикнул он нам. – Я помог разделать этих животных, и эта молодая женщина, убившая лосей, отдала мне шкуру одного из них, и оба языка. А теперь помогите мне слезть с лошади. Мы осторожно помогли ему слезть, и он проковылял через лагерь к своему вигваму, напевая песню радости. Все мы с улыбкой смотрели на то, как Воронья Перья и мой сын расстелили на земле две лосиные шкуры и выложили на них мясо, а потом разделили его по вигвамам. Все женщины сразу забрали свои доли и понесли их к себе. Я увидел, как Сайо'пекина побежала к реке с охапкой покрытых белым жиром кишок, и понял, что это значит: у нас будет угощение из исапуот'систс (тушеной требухи). Мой рот при мысли об этом наполнился слюной. Между прочим, в давние времена пикуни называли племя Ворон исапуот'систс (искаженное исапуо), потому что те очень любили это кушанье.

Я смотрел, как Сайо'пекина промывает раз за разом несколько ярдов кишок, и пошел за ней, когда она понесла их в свой вигвам и положила в сковороду. В другой сковороде она порезала несколько фунтов лосиной вырезки на мелкие кусочки и набила ими кишки, вывернув их наизнанку, и, наконец, завязав концы кишок жилкой. Свернув их в спираль, она положила их на горячие угли костра и хорошо обжарила, переворачивая с помощью двух палочек, а потом переложила в котелок с кипящей водой и продержала там несколько минут. Наконец она выложила их на сковородку, порезала на кусочки и протянула нам. Мы ели и хотели, чтобы этой еды было больше. В процессе готовки из мяса выделялся сок, который смешивался с белым жиром, который покрывал кишки и теперь был внутри. Это был самый лучший способ приготовить мясо. Я хорошо помню, как наш друг, доктор Джордж Берд Гриннел рассказывал нам, что в давние времена, когда он был на озере Святой Марии, мы угощали его исапуот'систсом, который приготовил Хвостовые Перья Перешедший Холм. Он сказал тогда:

– Апикуни, если ты откроешь ресторан в Нью-Йорке и будешь готовить там только это блюдо (вместе с бутербродами и кофе), то тебя ждет большой успех. Все эпикурейцы города будут приходить к тебе, чтобы отведать исапуот'систс.

– Городская жизнь не для меня. Лучше я буду нищим здесь, чем миллионером в Нью-Йорке, – ответил я.

Во всех вигвамах нашего маленького лагеря старые друзья наслаждались едой – исапуот'систсом, жареной печенкой, рубцом и лучшими кусками жирного лосиного мяса, а потом, набив желудки, мы уселись на удобные лежанки. Потом женщины отправились на хребет, чтобы набрать ягод ирги, а мы, мужчины, собрались на берегу озера, чтобы покурить и поговорить.

– Однажды с моим отцом случилось странное происшествие – здесь, прямо за этим хребтом, на самом южном маленьком притоке реки Обрывистых Берегов, – сказал Тяжелый Глаза.

– Мы стояли лагерем прямо здесь, и однажды утром отец пошел ставить капканы на бобров вдоль речки. Пока он ставил последний из них, то увидел лося, вышедшего на другой берег бобрового пруда, выстрелил и убил его. Потом он сел на лошадь, пересек реку там, где она вливалась в пруд, спустился к лосю, освежевал его и разделал. Мясо было достаточно жирное для этого времени лета – месяца Зрелых Ягод, так что он взял его столько, сколько смог погру-

зять на лошадь, и отправился в лагерь, ведя лошадь в поводу. Он перепрыгнул узкую протоку, вытекавшую из пруда, но лошадь уперлась и не пошла за ним. Он хлестал ее веревкой, отчего лошадь сильно разозлилась – она трясла головой, ржала и брыкалась. Теперь разозлился сам отец – он стал ругать лошадь, называть ее плохой бесполезной скотиной. Может быть, лошадь его поняла – она издала длинное ржание, словно говоря: "Я покажу тебе, какая я бесполезная" и длинным прыжком скакнула через протоку. Но в момент прыжка мягкая почва берега под ней провалилась, и она упала на спину, оказавшись в воде и мягкой грязи, покрывавшей дно протоки, и так лежала, молотя ногами по воздуху, не в силах подняться на ноги. Отец продолжал стегать ее, но это было бесполезно, и скоро она затихла.

– Ты ленивая тварь, стоишь меньше чем ничто, и даже не пытаешься подняться! Ну так лежи тут и подымай, – сказал ей отец, очень рассерженный, а сам присел рядом, чтобы отдохнуть, и, будучи очень усталым, почти сразу уснул.

Друзья мои, пока он спал, ему было послано видение: к нему прилетела колибри и сказала:

– Я вижу, что у тебя неприятности, но не отчаивайся; я помогу тебе. Просто встань и снова потяни повод, и все у тебя будет хорошо.

Отец проснулся, вскочил и снова потянул веревку, и тут лошадь с трудом наполовину повернулась, уперлась передними ногами о берег, приподняла зад и повернулась на живот, поднялась и вышла на берег. Отец был более чем удивлен – он не мог понять, как колибри могла заставить лошадь повернуться и выбраться из этой грязи. Но она была здесь, стояла на земле с опущенной головой, дрожала, грязь и вода стекали с тюка с мясом, которое теперь пришло в полную негодность, потому что песок с него смыть полностью невозможно, как ни старайся. Поэтому он сгрузил его там же и оставил волкам, а сам нашел место, где дно протоки было твердым, вернулся к лосиной туше и нагрузил лошадь оставшимся мясом. Когда он вернулся к нам, давно стемнело, и он рассказал нам о своем странном видении. Как же смогла эта маленькая птичка, самая маленькая из всех, поднять лошадь из грязи!

– Ах! Это действительно странно и удивительно! – воскликнул Курчавый Медведь.

– А по мне, так ничего странного нет, – сказал Белая Трава. – Солнце дает нашим братьям, зверям и птицам, силу помогать нам, и дает ее достаточно и маленькой колибри, и самым большим из наших помощников, например таким как настоящий медведь.

– Да, конечно. Все это делает Солнце, – сказал Курчавый Медведь, и все остальные знаками выразили свое согласие.

– Скажи, Тяжелый Глаза, – спросил Белая Собака, – хотя у твоего отца и были сильные священные помощники, волк и колибри, все же он и вы, его дети, не всегда могли избежать нападения врагов?

– Да, мы не однажды сражались с ними. Самое тяжелое сражение с ними было на береги нижнего из озер Святой Марии, – ответил Тяжелые глаза.

– Мы зимовали в форте Бентон, где мой отец был охотником, а я помогал ему. Работа была нетрудной – отъехав недалеко от форта, можно было встретить стадо бизонов, погнаться за ними на наших быстрых скакунах, убить сколько нужно, освежевать и разделить, а потом приезжали наши работники с выючными лошадьми и фургонами, которые отвозили в форт мясо и шкуры. Иногда вместо того, чтобы охотиться на бизонов, мы ради разнообразия должны были добыть на равнинах несколько антилоп, а то и дойти до реки Тетон, или пересечь реку (Миссури) и подняться до отмели Шонкин, чтобы там добыть несколько оленей или лосей.

Когда настала весна, отец заволновался и часто стал говорить мне:

– Жить тут, в этих глиняных стенах, мне надоело. Мне воздуха не хватает. Я хочу вернуться в горы, поставить там лагерь и ставить капканы на бобров.

– Да, конечно, – сказал я наконец. – Я вижу, что ты не будешь счастлив, пока не уйдешь отсюда, так попроси агента освободить нас от службы на компанию.

Мой отец пошел к нему, Большому Ножу (Джеймсу Доусону), очень доброму человеку и большому начальнику, и попросил его отпустить нас.

– Но ведь ты, Поднимающийся Волк, и твой сын, Тяжелые Глаза, нанялись ко мне на три зимы и три лета, и оба подписали об этом бумагу, – сказал тот.

– Я знаю, что это так, вождь, но большие горы зовут меня; я хочу пойти туда и там поставить свой лагерь, я задыхаюсь здесь, в этих стенах из сухой грязи.

– Да, я знаю, что ты чувствуешь. Я чувствую то же самое. Я тоже хотел бы пойти в горы, бродить по ним, жить в вигваме. Ладно, я отпускаю тебя и твоего сына на все лето, до месяца Падающих Листьев, но ты должен пообещать, что продашь мне все добытые вами бобровые шкуры, а не понесешь их к северным торговцам на Большую Северную реку (Саскачеван).

Отец с этим согласился, и на следующий день мы оставили форт, ведя с собой два фургона и тридцать верховых лошадей. Нас было: отец с матерью, моя сестра Лиззи, вдова, и трое ее маленьких детей, моя женщина и я сам. Я взял ее за два месяца до этого, и мы не успели достаточно хорошо друг друга узнать.

От форта мы отправились прямо к озеру Святой Марии, любимому месту охоты моего отца. По пути мы остановились на опушке соснового леса на Северной Вилке Маленькой реки (Молочная река), и там у отца было плохое видение: он увидел большую змею. Он проснулся, разбудил нас и рассказал об этом, и сказал, что мы должны быть очень осторожны, потому что большая змея предвещает большую опасность, которая поджидает нас. Мы знали, что это так. На следующее утро, когда мы отправились дальше, я велел моей сестре Лиззи управлять моим фургоном, моя женщина сопровождала наш табун, а я был впереди, внимательно высматривая врагов, но ничего не видел – ничего, что бы меня встревожило в тот день.

После полудня мы пересекли протоку, у нижнего из озер Святой Марии и встали лагерем у узкой полоски леса у нижней части озера, где часто прежде останавливались и несколько раз зимовали. Мы тогда не называли эти озера именами, которые дали им белые; мы просто называли их Внутренними озерами, как их всегда называли пикуни. Несколько лет спустя мой отец вместе с Черными Накидками поставил на берегу нижнего озера большой крест и назвал два озера именем святой женщины Черных Накидок, которая, как они говорили, родила сына, хотя мужчины у нее не было...

– Еще одна большая ложь Черных Накидок, – пробурчал Вождь Воронов.

– Да! – воскликнули остальные.

– Конечно, ложь, – продолжил Тяжелые Глаза. – Но тем самым днем, когда мы поставили лагерь и ужинали, мой отец сказал то, что я никогда не забуду:

– Мать, дети мои, – сказал он, когда набил трубку и удобно уселся, чтобы покурить, – эти озера и горы вокруг них – самое прекрасное место в нашей стране. Они так прекрасны, так удивительны, что я уверен в том, что белые однажды захватят их.

Моя мать улыбнулась.

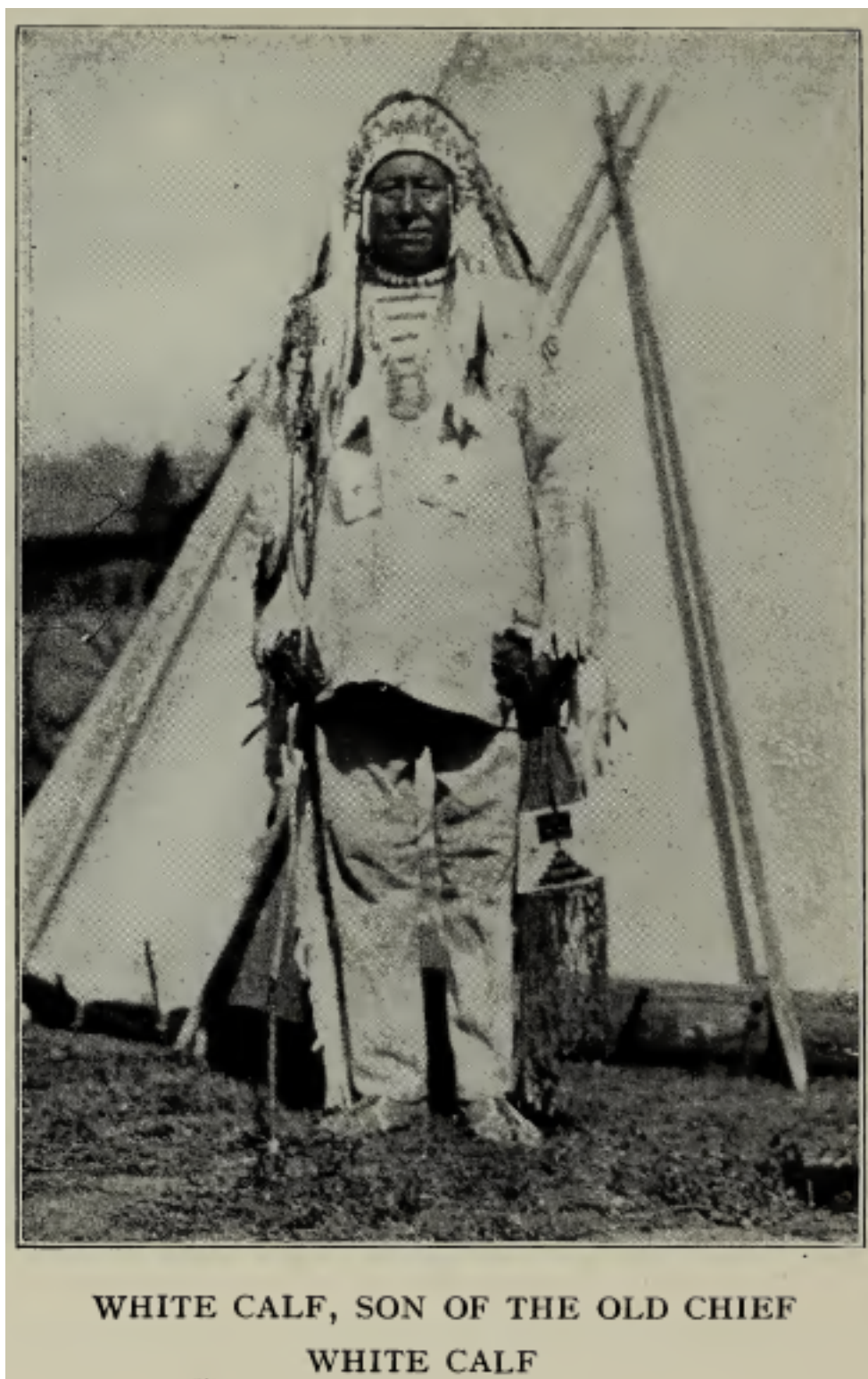
– Иногда ты словно теряешь разум. Все, что нужно или будет нужно белым в этой стране – бобровые и другие меха, которые мы добываем для них, – сказала она. Но как же он оказался прав!

– Ай! Твой отец был наделен Солнцем великой силой, он мог предвидеть, что должно случится, – сказал старый Белая Трава.

– Так вот, – продолжал Тяжелые Глаза, – ночь прошла спокойно, настало утро, и после завтрака мы с отцом спустились к реке и поставили все четырнадцать капканов, поймали форель, а я добыл гуся.

Вождь Ворон

Белый Теленок, сын старого вождя Белого Теленка

После полудня, когда я отдыхал в своем вигваме, я внезапно почувствовал боль в спине. Она не проходила, и я знал, что это плохой знак – подтверждается видение моего отца. Я был уверен, что нам грозит близкая опасность. Мною овладело беспокойство – пока не стемнело, я много раз выходил из вигвама и осматривался, но не заметил ничего подозрительного. На закате я вместе со своей женщиной вышел на равнину ниже озера, собрал наш табун и отвел его в лес, поближе к нашему вигваму, и там стреножил вожаков. Настала ночь. Я сидел на своей лежанке и смотрел на свою женщину, которая по другую сторону костра готовила гуся, которого я добыл. Она жарила его, часто поворачивая, чтобы он хорошо подрумянился, но я

чувствовал, что не хочу его есть. Боль в спине все усиливалась. Наша собачка, единственная, какая у нас была, заболела – она жалобно повизгивала. Все было плохо, все указывало на опасность, ужасную опасность, которая нам угрожала.

Когда гусь был готов, моя женщина разделила его между нами. Мой отец только раз откусил и отодвинул свое блюдо. Я со своей тарелки съел только маленький кусочек. Отец смотрел на меня, а я на него, и я понял, что он тоже чувствует опасность, но ничего не говорит, чтобы не беспокоить раньше времени женщин и детей. Пора было ложиться спать, и я попросил мою женщину пойти со мной напоследок взглянуть на лошадей, и, когда мы были у табуна и в вигваме нас не было слышно, я сказал ей:

– Мы в опасности: я чувствую, что она близко. Мой отец во сне видел большую змею, моя спина болит, наша собачка заболела – все это предупреждает нас об опасности. Если что-то случится, если в этот момент мы окажемся не вместе, ты должна прийти ко мне с ружьем и боеприпасами и заряжать его, как только я выстрелю.

– Ты знаешь, что я не трусиха, – сказала она. – Я буду помогать тебе, пока смогу стоять на ногах.

Мы в последний раз посмотрели на лошадей, вернулись в вигвам и легли спать.

Спать я не мог. Я лежал, чувствуя, что вот-вот что-то случится, и немного спустя услышал, что с лошадьми что-то происходит – те, которых я стреножил, брыкаются и ржут. Я подумал, что это, быть может, настоящий медведь хочет убить одну из них. Я разбудил мою женщину и сказал ей, что пойду и посмотрю, что происходит с лошадьми. Мой отец тихо сказал мне, чтобы я кричал, увидев опасность. Мы не раздевались, даже дети Лиззи, даже мокасины не снимали, потому что ощущали беспокойство и страх от близкой опасности.

Я на четвереньках выполз из вигвама и направился к лошадям, они больше не прыгали и не ржали – они шли, освобожденные от привязи, через лес, и я понял, что враги уводят их. Луны не было, но звезды на ясном небе давали немного света. Я встал и, пройдя через лес, увидел выходящего из него человека, который вел лошадей.

Я выстрелил в него, он громко вскрикнул и упал, а лошади побежали обратно в лес. При вспышке выстрела я увидел, что мужчина был ассинибойном. Ошибиться я не мог – в форте Больших Ножей в устье Лосиной реки¹² я видел многих из них и знал, как они одеваются и какие у них прически.

Когда я выстрелил, отец, моя женщина и сестра Лиззи выскочили из вигвама и бросились мне на помощь, а враги, прятаясь в лесу с нашими лошадьми, стали в них стрелять. Они спрятались за фургонами, все еще загруженными провизией и другими припасами, и я побежал к ним и взял у моей женщины другое ружье, отдав ей то, из которого стрелял, чтобы она его перезарядила. У Лиззи тоже было ружье – гладкоствольное кремневое, купленное у северных торговцев, как и у моего отца. Она была в ярости. Она громко пела военную песню пикуни и кричала врагам:

– Собаки! Вы не убьете моих детей!

Она выстрелила в мужчину, который приблизился к нам, и я увидел, как тот упал.

Враги продолжали стрелять в нас, а мы в них, целясь по вспышкам их ружей. Их защищал лес, нас фургоны, стоявшие в тридцати шагах перед нашими вигвамами. Моя мать и трое детей Лиззи оставались в вигваме, потому что отец велел им не выходить оттуда и лечь на землю, чтобы вражеские пули их не задел. Также он велел им сохранять спокойствие и не кричать. Но сейчас, когда мы стреляли по врагам, а они по нам, Мэри, старшая девочка, стала плакать, а две ее сестры начали кричать и звать маму, и моя мать, как мы слышали, пыталась их успокоить, а Лиззи кричала, чтобы они закрыли рты и лежали спокойно.

Враги тоже слышали крики в вигваме. Они были хитрыми, эти ассинибойны, и сердца их были холоднее зимнего льда. Пока одни из них продолжали стрелять в нас, укрывшихся за фургонами, другие поползли к вигваму сзади, намереваясь войти в него и убить тех, кто

был внутри. Они стали выдергивать колышки, которыми крепилась к земле обшивка вигвама, и пролезать под ней, и моя мать это услышала и вместе с детьми выскочила наружу. В это же время враги стали стрелять по нам с другой позиции, к северу от фургонов.

И тогда отец крикнул нам:

– Скоро они станут стрелять со стороны вигвама! Если они нас окружают, мы будем уничтожены! Мы должны укрыться в лесу, идите за мной!

– Да! Идем! Дети, держите рты закрытыми! – сказала Лиззи.

– Мы должны ползти, прижимайтесь к земле, пока не отойдем от них подальше, – сказал я.

– Да, так. А теперь следуйте за мной, – ответил отец.

Мы отползли на сотню шагов или больше, добрались до рощи, потом встали на ноги и немного постояли, прислушиваясь. Враги продолжали стрелять по фургонам, больше мы по пути ничего не слышали. Мы прошли через лес к озерной протоке, спустились к широкому мелкому броду и там, держа детей на руках, ее перешли. В это время враги перестали стрелять – несомненно, они поняли, что за фургонами нас нет. Мы прошли вниз по каменистому восточному берегу, потом ушли с него в осиновую рощу, поднялись выше на склон хребта и там отдохнули. На душе у нас было тяжело, просто ужасно.

Моя мать начала плакать:

– Мы все потеряли, – причитала она, – наших лошадей, наши фургоны, всю нашу одежду, все вещи, которые так нам дороги, потому что они служили нам много зим!

Моя женщина плакала с ней в унисон, и дети тоже. Только Лиззи не потеряла присутствия духа:

– Мы целы! Мы здоровы и полны сил! У нас будут другие лошади и фургоны, мы скоро приобретем все, что потеряли! Все это ерунда, птичья голова¹³! – говорила она так настойчиво, что мой отец и я улыбнулись.

Настало утро. Мы увидели своих лошадей, которые паслись на большой равнине ниже озера. Над нашим вигвамом поднимался дым, в него входили и выходили люди, другие разбирали содержимое наших фургонов. Когда солнце проделало небольшой путь в синеве, несколько врагов привели лошадей, оседлали нескольких из них нашими седлами и остальных навьючили теми из наших вещей, которые им приглянулись. Потом они принесли много сухих веток, обложили ими фургоны и вигвам и подожгли. Моя мать и моя женщина снова заплакали, дети тоже – они видели, как все наше добро пропадает в дыму и пламени. Лиззи грозила врагам кулаком и называла их ассинибойнскими собаками. Мы с отцом ничего не говорили – мы думали о том, как трудно будет нам и как долго это будет – восстановить все, что мы потеряли. Мы смотрели, как враги спускаются по равнине с нашими лошадьми и в устье Быстрой реки пересекли более широкую реку и ушли на восток за хребет. Мы знали, что возвращаться на место, где стоял наш лагерь, бесполезно: ничего из того, что могло бы нам пригодиться, мы бы там не нашли. Свои капканы мы бросили. Мы перешли хребет и направились к Средней Вилке Маленькой реки, и по пути я подстрелил чернохвостую олениху, стельную и жирную. Так что еды нам хватало, и мы хорошо поели, поджарив мясо на горячих углях. И Лиззи улыбнулась:

– Все-таки мы убили двоих из этих собак-ассинибойнов! Я снова говорю: ничего страшного, птичья голова!

Мы с отцом тоже улыбнулись, но у матери и моей женщины сил на улыбку не нашлось.

Когда, спустившись по Медвежьей реке, мы отделились от своих людей, мы знали, что скоро они вернутся в горы, чтобы заготовить новые шесты для вигвамов. Мы направились на юг и тут, на реке Двух Магических Хижин, нашли их большой лагерь и направились прямо к вигваму моего дяди, Три Солнца. Туда же пришли многие родственники и друзья, которые беспокоились, почему мы пришли пешком, и, когда отец рассказал им, что на Внутренних озерах на нас напали ассинибойны, сожгли наш вигвам и фургоны и забрали все наше имущество

и увели лошадей, они посочувствовали нам и сказали, что поделятся с нами своими вещами, чтобы возместить то, чего мы лишились. Три Солнца дал нам пять лошадей, другие дали по одной, две, три или больше – всего получилось двадцать пять. Несколько женщин принесли новые белые выделанные бизоньи шкуры и сделали нам большой вигвам. Другие принесли кожу для подкладки вигвама, парфлеши, оленью кожу для одежды, вяленую пищу, кухонную посуду, седла, ножи и топоры, все необходимое для шитья, бизоньи шкуры и одеяла для постелей. Еще до заката у нас было все, что мы потеряли – кроме фургонов и упряжи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.